
**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА
(1818 — 1883)**

**ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА — К ЮБИЛЕЮ И. С. ТУРГЕНЕВА**

В 2018 году Тульская областная универсальная научная библиотека отмечает 185-летие основания Тульской губернской публичной библиотеки для чтения, предписание об открытии которой поступило 18 июля 1833 г.

В мае 1857 г. были утверждены учредительные документы библиотеки, Правила пользования и определены новые штаты. Для библиотеки было выделено отдельное помещение в здании Тульского Дворянского собрания.

В результате изменений, произошедших в истории страны в начале XX столетия, в декабре 1918 года по решению Губернского отдела народного образования библиотека была преобразована в Тульскую губернскую центральную публичную библиотеку им. В. И. Ленина. Новый этап развития страны ставил перед библиотекой новые задачи — стать «центром научной работы в губернии». Библиотека превратилось в один из ведущих культурных штабов по ликвидации неграмотности населения и пропаганде знаний.

В XX веке библиотека и чтение получили реальное развитие, благодаря поступлениям новой литературы, в том числе выходящей на территории тульского региона, развитию каталогов, открытию новых отделов. Библиотека была открыта для читателей в суровые годы Великой Отечественной войны, выступала как методический центр для районных библиотек в послевоенные годы, успешно реализовывала проекты в 90-е.

В XXI веке, благодаря развитию информационных технологий, к услугам читателей появились новые сервисы: электронная доставка документов, доступ к залу диссертаций Российской государственной библиотеки, доступ к оцифрованным библиотекой и размещенным в полнотекстовой базе изданиям краеведческой тематики, виртуальная справочная служба. Вместе с тем, наблюдаются положительные тенденции по развитию библиотеки как социального института. Клубы по интересам, творческие встречи, музыкальные вечера, беседы с писателями, презентации книг, в том числе в рамках таких масштабных проектов, как Всероссийская акция в поддержку чтения «Библионочь», День «открытых» дверей в рамках Дней Тульской области и Дня города, культурная акция «Литературная ночь», Всероссийская культурно-образовательная акция «Ночь искусств» и многие другие делают библиотеку по-настоящему привлекательной для туляков. Ведь библиотеку и читателя объединяет одно — любовь к книге!

11 октября 2018 г. состоялось торжественное собрание с приглашением представителей органов власти, учреждений культуры и образования, общественности, давних и верных друзей Тульской областной универсальной научной библиотеки. Министр культуры Тульской области Т. В. Рыбкина зачитала поздравление губернатора Тульской области А. Г. Дюмина в адрес коллектива. В нем, в частности, говорится:

«Все эти годы библиотека шагала в ногу со временем, сохраняя традиции, осваивала новые формы современного информационного пространства.

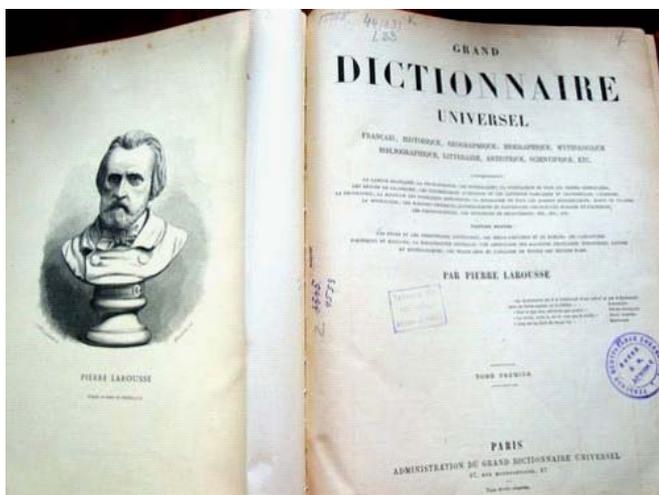
Сегодня вы ведете активную научно-исследовательскую, методическую, информационную, культурную и образовательную деятельность, храните бесценное историческое наследие, выполняете благородную просветительскую миссию. Благодарю вас за подвижнический труд, преданность книге и читателю».

**Тихоненкова Татьяна Викторовна,
директор ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».**

Иван Тургенев и Жюль Этцель: почти четверть века дружбы и сотрудничества

Многие исследователи творчества Ивана Тургенева отмечают его культурно-историческую репутацию как проводника русской культуры на Запад и западной культуры в Россию. Тургенев — единственный русский писатель, который при жизни смог завоевать внимание и интерес западной аудитории.

Имя русского писателя стало известно читающей Франции с середины 1850-х годов. В «Большом универсальном словаре XIX века», изданном в Париже, французский филолог, писатель, педагог, языковед, лексикограф и издатель Пьер Ларусс (1817—1875) посвящает Тургеневу отдельную подробную словарную статью. В XIX веке это издание представляло собой значительное явление. Оно являлось интересной инициативой, отвечающей девизу издателя: «Дать знания всем и обо всем», а имя Ларусса на протяжении уже трех столетий является синонимом слова «словарь».



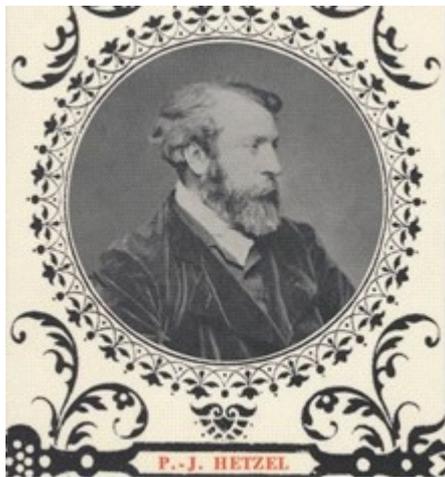
«Большой универсальный словарь XIX века» П. Ларусса (из фонда ГУК «ТОУНБ»)

При составлении словаря Ларусс уделил особое внимание современным писателям, т.е. писателям XIX века. Словарная статья о Тургеневе включает краткие биографические сведения, цитату Мериме, с которым Тургенев был дружен лично, и перечисление вышедших на французском языке произведений. «Кроме поэм, драм, комедий, статей и исследований, опубликованных в различных сборниках, большинство которых появились в «Revue des Deux-Mondes» и «Revue contemporaine», этому выдающемуся писателю, который много способствовал тому, что приобщал нас к идеям и обычаям России, принадлежат следующие произведения: «Записки охотника» (1852, в 2-х т.), сборник, вышедший на французском языке под названием «Mémoires d'un seigneur russe (1854) в переводе Em. Charriere и под названием «Recits d'un chasseur» (1858)... Это серия оригинальных новелл или скорее набросков, которые нам раскрыли русские нравы и способствовали в большей степени осуждению крепостного права: «Scenes de la vie russe» («Сцены из русской жизни») (1858, в 2-х т.), переведенные господином Мармье и господином Виардо; «Une nichée de gentilshommes, mouers de la vie de province» («Дворянское гнездо», 1859), переведенное на французский (1861), «Dimitri Roudine» («Дмитрий Рудин») в одном сборнике с «Journal d'un homme de trop» («Дневником лишнего человека») и «Trois rencontres» («Три встречи») (1862); «Nouvelles scenes de la vie russe, Elena, Un premier amour» («Новые сцены из русской жизни. Елена. Первая любовь», 1863) в переводе Делаво; «Peres

enfants» («Отцы и дети») с предисловием Проспера Мериме (1863); «Fumée» («Дым», 1868); «L'abandonnée» («Несчастливая», 1872), «Etranges histoires» («Странная история», 1874), «Nouvelles moscovites» («Московские повести», 1874), переведенные Мериме; «Pounine et Babourine» («Пунин и Бабурин»), весьма интересное произведение, опубликованное в газете «Le Temps» в 1875 г. и т.д.»*.

Ежедневная газета «Le Temps» во Франции — одно из изданий, ориентированных на международные новости, в рубрике на литературную тему публиковала произведения Тургенева. Повесть «Пунин и Бабурин», переведенная на французский язык Э. Дюраном, была напечатана в газете в марте 1875 г.** Похожая судьба и у повести «Несчастливая» («L'abandonnée»), которая на французском языке была опубликована в той же газете от 7—23 августа 1872 г. под заглавием «Покинутая»***. Полный текст этих и других произведений в настоящее время находятся в открытом доступе в полнотекстовом ресурсе Gallica на сайте Французской национальной библиотеки в оцифрованном архиве газеты.

Произведения Тургенева выходили отдельными книгами и стали известны литературной Франции благодаря таким издателям, как Шарпантье, Данту, Ашетт, Этцель. С последним Тургенева связывали деловые отношения.



Пьер-Жюль Этцель (с обложки книги «Cordroch M. De Balzac à Jules Verne, un grand éditeur du XIXe siècle, P.-J. Hetzel»)

В XIX веке Пьер-Жюль Этцель (1814—1886) занимал видное место в мире книгоиздания. Его издательский дом стремился открыть своему читателю целый мир — новый и интересный. Широкой общественности он известен, в большей степени, как создатель высококачественной печатной продукции для юношества, а также как человек, открывший Ж. Верна. Но Этцель не был издателем «как все». Он не только руководил своими авторами — журил и исправлял, но был им истинным другом. В одном из писем, адресованных к Жюлю Этцелю, Тургенев отмечал: «Примите мою благодарность за добрые и любезные предложения — вы издатель, каких мало, каких вовсе нет»****. Как издатель Этцель создал новаторский подход к публикациям книг

* Tourgueneff (Ivan) // Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle : français, historique, géographique, mythologique, bibliographique... Т. 15 TESTAM-Z. Paris, [1866—1877]. С. 359. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2053661/f363.image> (дата обращения: 19.10.2018).

** Tourgueneff I. Pounine et Babourine // Le Temps. 1875. 10-14, 18-21 мар. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k226054r/f1.item.zoom> (дата обращения: 19.10.2018).

***Tourgueneff I. L'abandonnée // Le Temps. 1872. 7—23 авг. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2250957.item> (дата обращения: 19.10.2018).

****Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 9. 1871—1872. М.—Л., 1965. С. 389.

для юношества. Как коммерсант, хорошо знал книжный рынок, использовал маркетинговые ходы, размещая рекламные вклейки во все свои публикации и выпуская годовые афиши. Так, в книге Ж. Верна «Пять дней на воздушном шаре» 1863 года выпуска Этцель размещает каталог книг своего издательства. Под рубрикой «Общая библиотека: поэзия, романы, путешествия, история, наука и искусство. Книги форматом in-18 стоимостью 3 франка» перечислены вышедшие в свет книги Ивана Тургенева: «Dimitri Roudine» («Дмитрий Рудин»), «Fumée» («Дым» с предисловием Мериме), «Une nichée de gentilshommes» («Дворянское гнездо»); «Nouvelles Moscovites» («Московские повести»); «Étranges histoires» («Странные истории»); «Les eaux printanières» («Вешние воды»); «Les reliques vivantes» («Живые мощи»); «Tetres vierges» («Новь»)*.

Этцель известен прежде всего как издатель книг для детей и юношества. Тем не менее, «Коллекция Этцель», наряду с романами Ж. Верна, включала романы, эссе и переводы зарубежных писателей. Среди ее многочисленных авторов фигурировал Иван Сергеевич Тургенев.

Знакомство Этцеля с Тургеневым состоялось в начале 1860-х гг., в июле 1862 года завязалась переписка. В 1863 году Этцель по совету их общего друга Луи Виардо предложил Тургеневу перевести на русский язык сказки Перро. Он с большим удовольствием принял предложение, но не проявил усердия для его реализации. В 1865 году Этцель напрасно попытался получить предисловие, которого еще не было. Эти промедления не ухудшили сердечности отношений. Этцель решает издать «Дым», который ему очень понравился, известив о своем решении Тургенева. В письме от 3 декабря 1867 года, находясь в Баден-Бадене, Иван Сергеевич ответил: «Я только что получил Ваше письмо, и, надеюсь, не очень удивлю Вас, если скажу, что Ваше суждение о «Дыме» бесконечно обрадовало меня. Вы хороший друг, но Вы также хороший судья — и Ваше одобрение придает мне уверенности в себе»**.

Ранее, в июле — ноябре 1867 г., роман «Дым» был опубликован в парижском журнале «Correspondant» в переводе Августина Петровича Голицына. В переписке с Этцелем Тургенев неоднократно выражал недовольство этим переводом, в письме от 3 декабря указав следующее: «Я в корректурной горячке «Дыма». Тщательно сверяя перевод с оригиналом, я обнаружил сотни ошибок... Не печатайте перевод Голицына!»***.

Через двенадцать дней Этцель получил от Тургенева письмо следующего содержания: «Вот наконец этот перевод! Вы увидите, что я не преувеличивал, когда говорил о сотнях исправлений! Князь А. грешил тремя способами: 1.) Он не передавал смысла; 2.) Упрощал, сглаживая; 3.) Дополнял, приукрашивая его... Но вот наконец работа завершена, и вы имеете наиточнейший перевод. Теперь вам предстоит пройти по нему своим пером — и с Богом»****.

Уже в марте следующего года роман «Дым» был опубликован Этцелем и внесен в списки французской библиографии: «1868 — 28 марта. Дым зарегистрирован в Библиографии Франции», — отмечено в издании Французской национальной библиотеки «От Балзака до Ж. Верна. Великий издатель XIX века П. Ж. Этцель»***** (Париж, 1966).

* Verne J. Cinq semaines en ballon, voyage de découvertes en Afrique par trois Anglais, rédigé sur les notes du docteur Fergusson. Paris: J. Hetzel, 1863. С. 30 второй пар. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6501026z/f396.image.r=tourgueneff%20hetzel> (дата обращения: 01.06.2018)

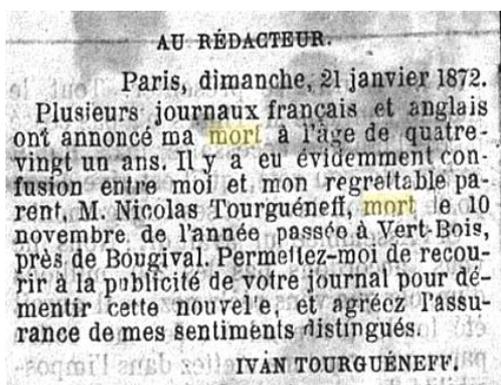
** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 8. Июнь 1867 — июнь 1868. М., 1990. С. 230.

*** Там же. С. 232.

**** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 8. Июнь 1867 — июнь 1868. М., 1990. С. 233.

***** Cordroch M. De Balzac à Jules Verne, un grand éditeur du XIXe siècle, P.-J. Hetzel : [exposition]. Paris, 1966. XX—92 с. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6456775j/fl.image.r=hetzel> (дата обращения: 10.10.2018).

В издательском доме Этцеля были напечатаны почти все произведения русского писателя. Их отношения продолжались до конца жизни Тургенева и были не только деловыми, но и дружескими. В переписке с Этцелем Иван Сергеевич говорил о возможности ходить на охоту, которая была его любимым увлечением, сетовал на мерзкую погоду, из-за которой охота заканчивалась, рассказывал об общих друзьях, знакомых, родственниках, семье Виардо. Жаловался на здоровье. Так, в письме от 27 сентября 1871 года из Баден-Бадена отмечал: «Уже целый месяц меня мучает приступ подагры. На этот раз она, к несчастью, поразила колено, и я был вынужден в течение трех недель неподвижно лежать в постели. Сейчас я передвигаюсь с помощью палки»*. Несколько месяцев спустя Тургенев и вовсе вынужден был опровергнуть слухи о собственной смерти. Он писал своему дорогому другу Этцелю: «Если вы получаете «Le Temps», то, должно быть, видели там опровержение по поводу слухов о моей смерти. Пока еще нет, черт возьми!»**. Заметка с опровержением была опубликована в газете от 22 января 1872 года, где Тургенев сообщает о кончине своего родственника Николая Тургенева, проживавшего недалеко от Буживаля в вилле Вербуа (Vert-Bois)***.



Опровержение И. С. Тургенева в газете «Le Temps» по поводу слухов о своей смерти

Тургенев переписывался и с сыном Жюль Этцеля, Луи, обращаясь к нему как к дорогому другу: «Ваш подарок великолепен! Семейство Виардо и я все вместе благодарим вас за него. Китайчонок, которого мы отправляем с этим письмом, посылается вам (с множеством новогодних пожеланий вашему отцу, вам и всем вашим) только потому, что он выглядит так, будто хочет сказать: «Как вы любезны!» Именно это думали здесь все, получив ваши чудесные книги»****. Письмо датируется 1873 годом, когда Луи Этцель уже являлся сотрудником издательского дома, где начал работать в 1867 году. После смерти отца в 1886 году стал его возглавлять.

Жюль Этцель пережил своего друга на три года. За этот период им были изданы несколько произведений Тургенева. В 1886 г.— роман «Накануне» («Un Bulgare, A la veille»). В 1885 г.— сборник «Последние произведения» («Oeuvres dernières»), в который вошли рассказ «Месье Франсуа», «Пожар на море», повести «Песнь торжествующей любви!», «После смерти» («Клара Милич»), и траурная речь Ренана, произ-

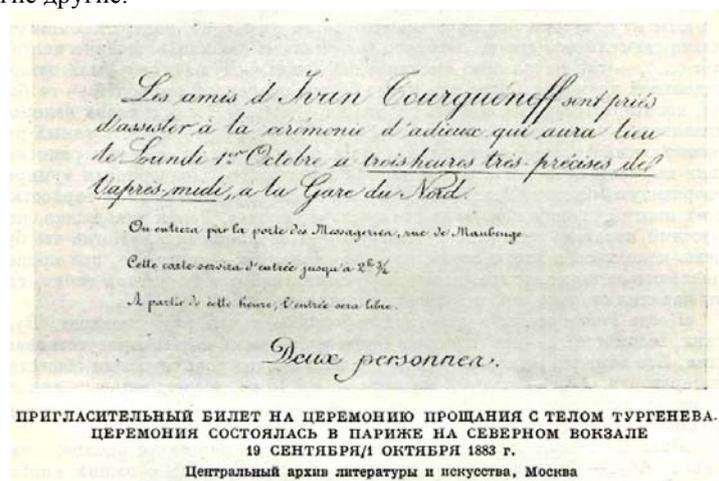
* Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 9. 1871—1872. М.-Л., 1965. С. 392.

** Там же. С. 407

*** Tourguéneff I. Au redacteur // Le Temps. 1872. 22 янв. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k224886g/f2.item.r=mort> (дата обращения: 01.06.2018).

**** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 10. 1872—1874. М.-Л., 1965. С. 373.

несенная на церемонии прощания с Тургеневым*. Церемония состоялась 1 октября в Париже на Северном вокзале. Только друзей и поклонников, которых впускали по пригласительным билетам, собралось около 400 человек. Среди присутствующих были видные деятели Франции: писатели Э. Золя и А. Додэ, философы Э. Ренан и Ж. Симон, публицист Э. Абу, драматург Э. Ожье, журналист А. Дрейфус, актер Дьедоне и многие другие.



Пригласительный билет на церемонию прощания с телом Тургенева

На церемонии прощания присутствовал и его верный издатель Жюль Этцель. Отчасти, благодаря их крепкой дружбе и плодотворному сотрудничеству, Тургенев стал первым открытым Францией в XIX веке великим русским писателем, а русская литература — явлением европейской и мировой культуры.

Куканова Инна Алексеевна,
заместитель директора по научной работе
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

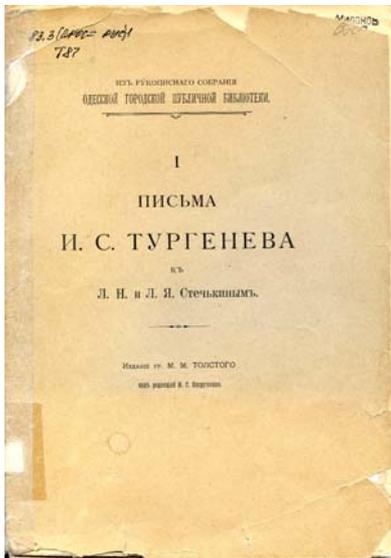
Библиография:

1. Звигильский А. Иван Тургенев и Франция: сборник статей: перевод с французского / А. Звигильский; сост. В. Р. Зубова, Е. Г. Петраш.— 2-е изд.— М.: Русский путь, 2010.— 336 с.; ил.— (Тургеневские чтения; Вып. 3; То же [Электронный ресурс].— URL: <http://nasledie.turgenev.ru/stat/docs/054.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).
2. Карантеева И. Л. И. С. Тургенев в диалоге русской и французской культур // Вестник КГУ.— 2008.— № 1.— С. 243—247; То же [Электронный ресурс].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-s-turgenev-v-dialoge-russkoy-i-frantsuzskoy-kultur> (дата обращения: 19.10.2018).
3. Ланской Л. П. Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования: [сборник статей].— М.: Наука, 1967.— С. 633—702.

* Tourguéneff I. Oeuvres dernières... Paris, 1855. URL:

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5773051v.r=Oeuvres%20derni%C3%A8res%20%5BTexte%20imprim%C3%A9%20Monsieur%20Fran%C3%A7ois.%20Le%20chant%20de%20l'amour%20trionphant.%20Apr%C3%A8s%20la%20mort%20de%20Clara%20Militch%29.%20Un%20incendie%20en%20mer%20l.%20Tourgu%C3%A9neff.%20Tourgu%C3%A9neff%20sa%20vie%20et%20son%20oeuvre?rk=21459;2> (дата обращения: 19.10.2018).

**«Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным»:
по страницам старинного издания**



В фонде Тульской областной универсальной научной библиотеки хранится небольшая книга, представляющая собой собрание писем выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева к его современницам, помещицам Тульской губернии, матери и дочери Стечкиным*. Книга была издана в 1903 году — в год 20-летия смерти И. С. Тургенева — Одесской городской публичной библиотекой. По признанию составителей издания, «в Одесской Городской Публичной Библиотеке в течение ее почти 75-летнего существования образовалось довольно значительное собрание различных рукописных материалов, среди которых многие весьма ценны и могут быть небесполезны при изучении русской истории и литературы**». Но сделать что-либо с этими материалами до 1903 г. у библиотеки не было возможности.

«Только в текущем году (1903 г.— Ю. Б.) библиотека, благодаря щедрости своего почитателя графа М. М. Толстого, получила средства для издания некоторых из названных материалов под общим заглавием: «Из рукописного собрания Одесской Городской Публичной Библиотеки***».

Сборник вышел под редакцией и с комментариями Михаила Георгиевича Попруженко (1866—1944), секретаря Одесского общества истории и древностей (1890—1912) и библиотекаря Одесской городской публичной библиотеки (1896—1919), впоследствии — доктора славянской филологии, профессора Софийского университета, академика Болгарской Академии Наук. Выход в свет книги поддержал известный одесский меценат, гласный Одесской Городской думы, Почетный гражданин г. Одессы граф Михаил Михайлович Толстой (младший).

В книге впервые были опубликованы 65 писем И. С. Тургенева к Любови Николаевне Стечкиной (1830—1900) и ее дочери Любови Яковлевне Стечкиной (1851, с. Плутнево Алексинского у.— 30.12.1900 (ст.ст.)). Последняя, нуждаясь в поддержке и советах в своих литературных занятиях, обратилась в начале 1878 г. с письмом к И. С. Тургеневу, и в продолжение целого ряда лет она находилась с ним в переписке. Первое письмо И. С. Тургенева, помещенное в издании, датировано мартом 1878 г., последнее — декабрем 1882 г., т.е. менее чем за год до смерти писателя.

Любовь Яковлевна Стечкина принадлежала к известному роду Стечкиных, помещиков Алексинского уезда Тульской губернии. Семья ее жила в деревне Плетневе, кроме нее в семье еще были два брата — Николай и Сергей Яковлевичи и младшая сестра Анна Яковлевна. Они все были талантливы, пробовали себя в литературе и печатались в солидных журналах, а Сергей Яковлевич, кроме того, стал родоначальником трех поколений Стечкиных, которые оставили заметный след в истории литературы, медицины, науки и техники.

* Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. 61 с.

** Указ. изд., С. III.

*** Указ. изд., С. III.



Любовь Яковлевна неоднократно пробовала себя в литературе и явилась автором повестей «Первая гроза», «Кривые деревья» и посвященного И. С. Тургеневу романа «Варенька Ульмина», в которых отразилась написанная ею по личным наблюдениям жизнь российской глубинки 60—70-х гг. XIX в. Ей адресованы первые 55 писем из 65, помещенных в сборнике. Письма под №№ 56—65 адресованы уже ее матери Любове Николаевне в Тульскую губернию в село Плутнево Алексинского уезда, где в то время проживала Любовь Николаевна. Вот самое первое письмо И. С. Тургенева:

50, rue de Douai, Paris

Суббота, 30/18 марта 1878

*Милостивая Государыня
Любовь Яковлевна!*

Спешу отвечать на только что полученное мною Ваше письмо.

Я Вашей повести в «Русской Правде» не читал, — но помню — довольно, впрочем, смутно, что по ее поводу была полемика в газетах. Poleмика эта, вероятно, теперь позабыта и не помешала бы появлению Вашего нового труда в одном из «толстых» журналов. Из всех этих журналов я состою в сношениях только с «Вестником Европы» — и переписываюсь с редактором, г. Стасюлевичем. Я не знаю за ним никакой «брезгливости», и он, конечно, примет с охотой всякое произведение, в котором признает печать таланта. На мою рекомендацию он во всяком случае обратит внимание, хотя и мне случалось испытывать отказ не однажды. — Но мне невозможно говорить о произведении мне неизвестном; и потому — либо потрудитесь прислать мне Вашу повесть сюда (я выезжаю отсюда в первых числах мая) — либо подождите моего приезда в Петербург.

В глазах остальных г. редакторов моя рекомендация может только повредить Вам.

В ожидании Вашего ответа, прошу принять утверждение в совершенном уважении

*Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева*.*

В письме, датированным сентябрем того же, 1878 г., читаем:

«Вы правильно указали на главный грех Вашей Вареньки — ее жажду счастья «во что бы то ни стало»; — и выражение Ваше «совершенно непривычная покорность» — тоже верно и счастливо. Все, что вы говорите, более и более возбуждает во мне надежду, что Вы справитесь с Вашей задачей — и желание увидеть ее поскорее оконченной...»

Мне кажется нужным напомнить Вам о сокращении вводных лиц, которыми изобилует Ваш роман — (впрочем, и Вы были того же мнения). — Этюды эти могут Вам пригодиться впоследствии; а именно в таком произведении, каково Ваше, — все, что не содействует прямо ходу драмы, кажется излишним и даже утомительным для читателя. — Ему некогда останавливаться: он должен быть увлечен неудержи-

* Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. С. 1.

мо. Это не значит, чтобы Вам следовало писать в роде А. Дюма; впрочем, об этом много толковать нечего: Вы очень хорошо знаете, что я намерен сказать.

*И так мне остается прибавить одно: работайте, работайте!**»

Но в письмах Тургенев не только давал литературные советы. Здесь чувствуется и искренняя забота о больной Любове Яковлевне, и поздравления ее с праздником (письмо № 36), и беспокойство о материальном благополучии адресата.

Париж, 31 марта 1882 г.:

«Любезнейшая Любовь Яковлевна!

*Что же Вы не даете о себе весточки? Ни о своем здоровье, ни о предпринятой работе? Я вчера еще получил письмо от Вашей матушки, которая очень беспокоится о том, как Вам выслать в Ментон 500 р., так как с некоторых пор она замечает задержки и неисправности в почте. Я ей немедленно ответил, что самое простое и верное средство — прислать эти деньги сюда на мое имя, — а я Вам их немедленно доставлю. Сверх того, если бы Вам теперь же нужны 500 фр., то дайте мне знать: я Вам их вышлю сейчас, а потом вычту из тех денег, которые получу от Вашей матушки... Надеюсь, что Ваше здоровье удовлетворительно, и что климат Ментона благотворительно на Вас действует...»**.*

Во время болезни Стечкиной Тургенев вел переписку с ее матерью Любовью Николаевной. Она касалась главным образом лечения ее дочери и пересылки денежных средств. Писатель, судя по этим письмам, нередко выступал своего рода «связующим звеном» между матерью и дочерью: «В ответ на Ваше письмо, — писал Тургенев Любови Николаевне в Плутнево, — имею Вам сообщить следующее. — Любовь Яковлевна находится все еще в Париже. Она проболела несколько дней, была в постели, однако теперь поправилась. Но ехать ей в Россию невозможно... Что же касается денежных средств, — то, во-первых, я переслал ей 300 фр.; — во-вторых, можно продать Стасюлевичу ее повесть, несколько ее исправивши, что не затруднительно, но без чего она не будет принята... Это может составить 250 руб. Любовь Яковлевна обещалась это сделать вскорости, — однако до сих пор медлит...»***.

В последнем опубликованном письме от 10—22 декабря 1882 г., сам уже больной, И. С. Тургенев пишет Стечкиной-старшей: «Спешу отвечать на Ваше письмо и заранее прошу Вас быть уверенной в совершенной правдивости каждого моего слова.

Дочь Ваша... серьезно больна, — хотя вовсе не безнадежно.

Она настолько серьезно больна, что доктор Жакку, один из первых здешних врачей, — объявил ей, что она не должна думать вернуться в Россию раньше весны — и что пока ей нужно пребывание в южном климате. ...мы здесь ее снарядили, достали денег и отправили в Неаполь, куда она по телеграмме благополучно прибыла и где она найдет знакомых, которые примут ее на свое попечение... Повторяю Вам, все это самая несомненная, неприкрашенная правда: нельзя назвать ее успокоительной, — но тревожиться и волноваться тоже не из чего»****.

Любовь Яковлевна скончалась в 1900 г., о чем в журнале «Литературный вестник» за 1901 г. сообщалось: «30 декабря в Одессе, на 50-м году от рождения скончалась Л. Я. Стечкина. Злой грудной недуг (чахотка) подтачивал ее силы целые 30 лет. Блестяще образованная, знавшая языки немецкий и французский, как свой родной,

* Указ. изд., С. 10—11.

** Указ. изд. С. 38—39.

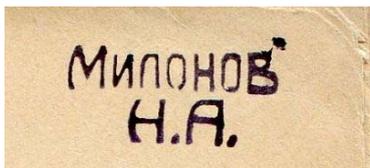
*** Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. С. 59.

**** Указ. изд. С. 60-61.

обладавшая широкими познаниями в литературе, истории, психологии и философии, Л. Я. в 1875 году дебютировала в современной печати повестью «Первая гроза» («Русский вестник», июль 1875 г.) Вторую и последнюю ее работой был роман «Варенька Ульмина», посвященный И. С. Тургеневу («Вестник Европы» — 1879 года, ноябрь и декабрь). Вскрости по выходе в свет этого романа Л. Я. сломала свое здоровье, ухаживая за больным ребенком, мать которого не желала о нем заботиться. После Л. Я. осталось большое количество писем к ней И. С. Тургенева, который был с нею очень дружен.** Эти письма Тургенева к Любви Яковлевной, которые она, по-видимому, бережно хранила, вместе с несколькими письмами к ее матери в том же году были переданы ее младшей сестрой в Одесскую публичную библиотеку, где вскоре и было подготовлено их издание.

Впоследствии эти и другие письма Тургенева с научными комментариями были опубликованы в полном (академическом) собрании сочинений и писем писателя (Т. XII, кн. 1, 2 (1966—1967 гг.), Т. XIII, кн. 1, 2 (1968 г.)).

Возвращаясь к изданию, хранящемуся в фондах ТОУНБ, хотелось бы отметить, что данный экземпляр поступил в библиотеку в 2008 г. с коллекцией книг известного тульского литературного краеведа, профессора Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого Николая Александровича Милонова. На титульном листе издания имеется владельческий книжный знак, характерный для всех книг из его личной библиотеки.



Владельческий знак Н. А. Милонова на титульном листе книги

Переписка любого выдающегося писателя представляет собой важный источник информации как о нем самом, так и о его мировоззрении. Письма И. С. Тургенева к Стечкиным, опубликованные в рассматриваемом издании, являются лишь малой толикой в познании характера писателя и его литературного языка. Именно поэтому письма И. С. Тургенева интересны не только исследователям творчества писателя и его биографам, но всем, кто интересуется историей русской литературы.

Литература:

1. *Тургенев И. С.* Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / И. С. Тургенев; под ред. М. Г. Попруженко.— Одесса, 1903 (Тип. Акционерного Южно-Рус. О-ва Печ. Дела).— 61 с.
2. *Белоус А.* Любовь Яковлева и Иван Сергеевич // Тула вечерняя.— 1994.— 1 дек.
3. *Новиков В. А.* История одного посвящения // Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае.— Тула, 1990.— С. 76—90.
4. *Ходулин В. Г.* На хуторе ждет его; Стечкина Люба; Она ему выслала первый роман: Любовь Яковлевна Стечкина (1851—1900) // Ходулин В. Г. Идущие сквозь время: попул. очерки о людях, оставивших заметный след в истории Тульского края / В. Г. Ходулин.— Тула, 2008.— С. 94—99: портр.
5. *Юрчиков Ю.* Тургенев и тульские помещики Стечкины // Тул. известия.— 1998.— 22 июля.

**Богомолова Юлия Евгеньевна,
заведующая отделом краеведения
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».**

** Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае: док. очерки / В. А. Новиков.— Тула: Приок. книж. изд-во, 1990.— С. 89

Иван Тургенев — русский европеец

В 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Туляки по праву считают Тургенева своим земляком, ведь отец Ивана Сергеевича был уроженцем Тульского края. Не зря и сам писатель указывал: «Я, дворянин Тульской губернии, отставной коллежский секретарь, называюсь Иван Сергеев Тургенев...». Родные места для И. С. Тургенева являлись источником для творчества. Впечатлениями от живописной природы села Тургенево и его окрестностей навеян рассказ «Бежин луг».

Для Национальной электронной библиотеки (НЭБ) (<https://нэб.рф/library/tula-oblast-universal-scientific-library/collections/>) совместно с Российской государственной библиотекой была оцифрована подборка уникальных изданий из фондов Тульской областной универсальной научной библиотеки (ТОУНБ). В подборке представлены как сочинения самого И. С. Тургенева, так и литература о нем, начиная с 1883 по 1945 гг. (всего 103 книги).



В 2017 г. сектором межбиблиотечного абонемента и электронной доставки документов (МБА и ЭДД) организована передвижная книжная выставка «В мире книг Ивана Тургенева». Презентация прошла в Историко-культурном и природном музее-заповеднике И. С. Тургенева «Бежин луг» в Чернском районе.

Выставка состоит из нескольких разделов: «Автор книг — Иван Тургенев», «Жизнь и творчество И. С. Тургенева», «Тургенев и Тульский край». Этот проект рассчитан на 2017—2018 гг. За это время выставка побывала в муниципальных и сельских библиотеках Арсеньевского, Белевского, Ленинского, Одоевского, Узловского районов.

200-летний юбилей великого писателя дает возможность для активизации интереса к чтению классической литературы, с максимальным использованием для этого информационных ресурсов.

Для популяризации жизни и творчества нашего земляка осуществлен интернет-проект «200 фактов из жизни И. С. Тургенева» на сайте ТОУНБ (<http://www.tounb.ru/200-faktov-ob-i-s-turgeneve>). Задача проекта — представить самые интересные события, иллюстративный ряд — портреты, фото, пейзажи, интерьеры эпохи из жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева в продолжение текущих двухсот дней — с 24 апреля до 9 ноября.

Для поиска информации были просмотрены многочисленные издания из фондов ТОУНБ, в том числе «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева» М. К. Клемана, «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876—1883)» — (автор-составитель Н. Н. Мостовская), альбом «Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время» (автор-составитель Ю. П. Пищулин), «Иван Сергеевич Тургенев в портретах, иллю-

страциях, документах», выпуски «Спасского вестника», «Переписка И. С. Тургенева», «Из парижского архива И. С. Тургенева».

В работе принимали участия сотрудники Отдела информационно-библиографического обслуживания и электронных ресурсов, Отдела обслуживания и Отдела краеведения.

Для художественного и публицистического журнала «Приокские зори» мы представляем лишь некоторые факты из жизни великого писателя, связанные с его проживанием за рубежом.

Иван Сергеевич почти треть жизни провел за границей, был знаком со многими литераторами, критиками, издателями, художниками. Дружил с Г. Флобером и Ж. Санд, сотрудничал с А. Доде и Э. Золя, а Г. де Мопассан и вовсе считал его своим литературным учителем.

И. С. Тургенев находился в гуще культурной и общественной жизни, посещал художественные выставки, музеи, театры, присутствовал на Литературных и шахматном конгрессах, организовал общественную библиотеку в Париже.

Тургенев много делал для знакомства зарубежных читателей с русской литературой; он «ввел» в европейскую культуру имена А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и др.

Иван Сергеевич интересовался молодыми, начинающими литераторами, русскими и европейскими, оказывал им возможное содействие и помощь.

Творчество И. С. Тургенева признано в Европе. В Париже до сих пор действует общедоступная библиотека им. И. С. Тургенева, в Буживале на вилле писателя в 1983 г. открыт музей, любители творчества писателя объединяются в тургеневские общества, которых в Европе достаточно много: французские, немецкие, бельгийские, Ассоциация друзей Тургенева и многие другие. Ниже приведены некоторые факты из жизни И. С. Тургенева за границей. Иллюстрации взяты из «Из парижского архива И. С. Тургенева», «Спасских вестников».

1838. В мае И. С. Тургенев выезжает в Германию для поступления в Берлинский университет. «Я занимался философией, древними языками, историей и с особенным рвением изучал Гегеля», — вспоминал Тургенев.

1857. 24 мая И. С. Тургенев приезжает в Лондон к Н. А. Герцену дней на 15 или 20. Во время пребывания в Англии знакомится с Карлейлем, Теккереем, Дизраели, Маколеем и др. и совершает поездку в Манчестер.

1858. В мае И. С. Тургенев присутствует в Лондоне на обеде общества английского литературного фонда, под председательством лорда Пальмерстона и посещает в Париже мастерскую художника А. Шеффера.



Париж. Вид набережной Д'Орсей.
Гравюра Ж.-Б. Шамуэна, 1855 г.



И. С. Тургенев.
Фотография Э. Каржа, 1863 г.

1860. 26 октября обедает с П. Мериме. Объясняет ему игру «колобрыс».

1863. 13 августа дает разрешение Боденштедту перевести для немецкого издания Тургенева биографическую заметку. Просит указать, какие именно вещи войдут в первый том немецкого издания и обещает указать страницы французских переводов, где находятся «прибавления и исправления» текста.

1864. 17 июня сообщает А. Ф. Борисову о покупке полуторы десятины земли в Бадене и намерении завести сад, а с будущей весны начать строиться. Работает «очень мало». Русских газет и журналов, за исключением «Северной Пчелы», нет, «иногда съездишь в Гейдельберг — почитаешь, впрочем без большого удовольствия». Печатание полного собрания сочинений в Карлсруэ «идет очень хорошо».

1867. 14 июня И. С. Тургенев выезжает из Баден-Бадена в Париж на всемирную выставку, 23 июня возвращается в Баден. В Париже «приходил в телячий восторг» от выставки, большую часть времени проводил с дочерью Полиной.

23 сентября в Бадене состоялось второе представление в присутствии короля и королевы Пруссии оперетки «Le dernier sorcier» с текстом Тургенева и его участием.



И. С. Тургенев. Рисунок Л. Пича, Баден-Баден, 1866—1867 гг. Музей города Баден-Баден.



Тургенев в главной роли оперетки «Людоед». Рисунок Л. Пича. Баден-Баден, 1868 г.

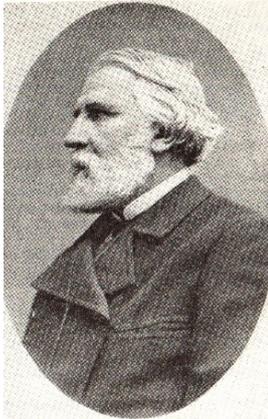
1868. 24 мая в Берлине прошло первое представление оперетки в присутствии прусской королевы. И. С. Тургенев исполняет в ней роль людоеда.

1869. 31 мая И. С. Тургенев посылает Л. Пичу, Ю. Шмидту и Фрейтагу только что вышедший сборник своих повестей во французском переводе «Nouvelles Moscovites».

1870. 18 июля в Баден-Бадене начался крупный международный шахматный турнир — первый в истории Германии. И его вице-президентом был хорошо известный и высоко чтимый в шахматных кругах русский писатель Иван Сергеевич Тургенев. Благодаря блестящему знанию многих языков он легко находил общий язык с любым из 10 участников.

1871. 9 августа И. С. Тургенев присутствует в Эдинбурге на юбилейном торжестве по поводу столетия со дня рождения В. Скотта. Произносит короткий спич.

1872. 3 октября И. С. Тургенев проводит день в Ноане у Жорж Санд. И. С. Тургенев — Ж. Санд: «Мне хочется сказать вам, насколько я счастлив, что видел Ноан и Вас. Вы создали в нем самое очаровательное гнездо, о каком только можно мечтать...». 4 ноября И. С. Тургенев обещает Шумахеру организовать в Германии издание книги его стихов «Моим землякам».



И. С. Тургенев. Фотография И. и Л. Альгейер, 1868—1869 гг.

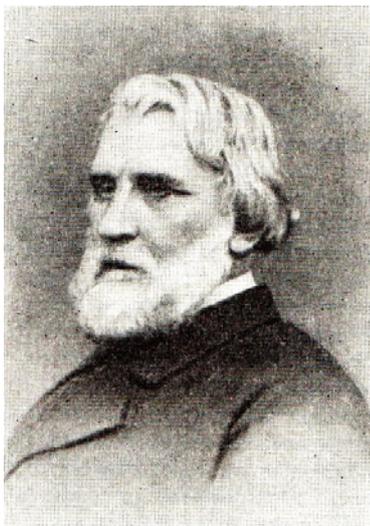


Тургенев за шахматами в парижском кафе «Gafe de la Regence». Гравюра Ф. Моллера с рисунка А. Мирана

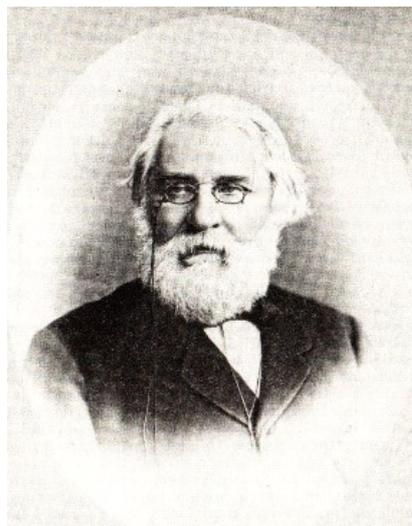
1873. 2 августа. Круассе. Г. Флобер — И. С. Тургеневу: «Хочу сказать Вам, что прочел «Вешние воды» и перечел «Степного дворянина», вторую часть которого не знал. «Вешние воды» не произвели на меня того ошеломляющего впечатления, как «Несчастливая», но они взволновали меня, растрогали и как-то смутно размягчили. Это — история каждого из нас, увы! Краснееешь за самого себя. Что за человек, мой друг Тургенев! Что за человек!»

1874. В апреле 1874 г. положено начало парижских «обедов пяти» (И. С. Тургенев, Э. Гонкур, Г. Флобер, Э. Золя, А. Додэ). Г. Флобер писал об этих встречах Ж. Санд: «Внешне жизнь моя не изменилась: встречаю и принимаю у себя все тех же людей. Неизменные посетители мои по воскресеньям — прежде всего великий Тургенев, еще более милый, чем всегда, Золя, Альфонс Додэ и Гонкур».

«Он пленяет нас... тою смесью наивности и тонкости, из которой состоит главное очарование славянской природы» — писал о Тургеневе Э. Гонкур.



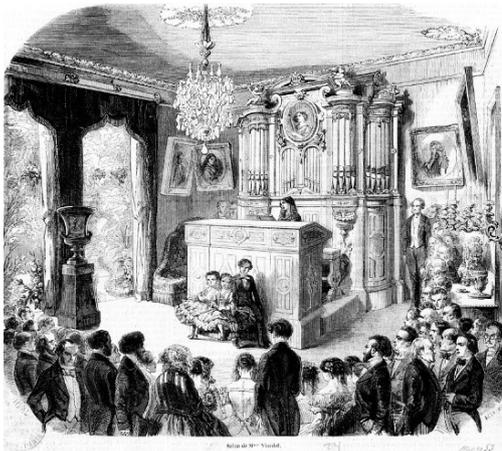
И. С. Тургенев. Фотография Эллиот и Фрай, Лондон, 1870—1871 гг.



И. С. Тургенев. Фотография Ш. Бергамаско, 1874 г.



Читальня в Париже. Гравюра. Художник М. С. Светиков.



Салон Полины Виардо в Париже. Гравюра с рисунка А. Валантена.



И. С. Тургенев. Фотография 1878 г.

1876. 24 апреля состоялось Литературно-музыкальное утро в пользу Русской библиотеки, недостаточных студентов в Париже, с участием П. Виардо, Г. Венявского, И. С. Тургенева, Э. Золя, К. Сен-Санса. И. Е. Репин писал В. В. Стасову: «В субботу у Виардо по инициативе И.С. Тургенева был концерт в пользу библиотеки. Играл Сен-Санс, читал Жан... пела Панаева, но главное — читал Эмиль Золя...».

27 апреля в Париже в издательстве Ж. Этцеля выходит сборник «Les reliques vivantes», в него вошли французские переводы рассказов и повестей И. С. Тургенева («Живые мощи», «Часы», «Стучит!», «Пунин и Бабурин», «Наши послали!»).

30 апреля И. С. Тургенев вместе с П. и Л. Виардо, П. В. Жуковским, А. А. Харламовым, В. Д. Поленовым посещает Парижский Салон.

31 мая И. С. Тургенев приезжает в Висбаден для переговоров с гр. Н. А. Меренберг, дочь Пушклина, по поводу публикации писем Пушкина.

15 июня узнает о смерти Ж. Санд. Посылает П. Виардо телеграмму с просьбой послать на могилу Ж. Санд венок из бессмертников как последнюю дань всех русских почитателей и друзей писательницы.

1877. 3 мая в доме Виардо состоялся музыкальный вечер с участием И. С. Тургенева.

1878. 11 июня открылся Международный литературный конгресс в Париже в театре Шатле под председательством В. Гюго. И. С. Тургенев избирается вице-президентом. 17 июня И. С. Тургенев выступает с речью на открытом четвертом заседании конгресса. 13 октября. Париж. И. С. Тургенев пишет Л. Н. Толстому о его популярности за границей.

1879. 8 мая И. С. Тургенева посещает М. Твен. Запись в дневнике М. Твена: «Заходил к Тургеневу с Бойсенем и пил чай из самовара». В черновом варианте книги «Пешком по Европе» М. Твен писал: «Одна знаменитость, которая интересовала меня более всего, был известный Тургенев, великий как своими свершениями в литературе, так и своим отважным до самопожертвования патриотизмом».

С 15 по 22 июня 1879 г. И. С. Тургенев совершает поездку в Англию, где он присутствовал на присуждении ему степени доктора обычного права.



И. С. Тургенев в шапочке и мантии доктора Оксфордского университета. Фотография А. Либера.

1880. 22 июля. Париж. И. С. Тургенев в письме к К. Комманвиль выражает согласие быть вторым председателем комитета по сооружению памятника Г. Флоберу. 25 августа И. С. Тургенев из Кабура-ле-Бена посылает В. П. Гаевскому, учредителю Пушкинской выставки, волосы Пушкина и его кольцо с заключением «оксфордского ученого» о надписи на нем.

1881. 18 октября И. С. Тургенев приезжает в Лондон и отправляется в имение В. Холла Беллока поохотиться. 22 октября И. С. Тургенев, возвращаясь с охоты в Кембриджшире, присутствует на обеде в Лондоне, организованном в его честь В. Рольстоном в Клубе искусств.

1882. 11 июня тяжело больной И. С. Тургенев писал из Буживаля собиравшемуся в Спасское Я. П. Полонскому: «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

12 августа И. С. Тургенев посылает Э. Дюрану «Рассказы В. Гаршина» (СПб., 1882) и письмо: «Из всех молодых русских писателей Гаршин особенно талантлив и подает больше всего надежд».

1883. 17 июня И. С. Тургенев диктует П. Виардо очерк «Пожар на море».
3 сентября И. С. Тургенев умирает в Буживале в 2 часа дня в окружении семьи Виардо и А. А. Мещерского.
6 сентября происходила панихида по Тургеневу в русской церкви в Париже.
1 октября состоялись проводы тела И. С. Тургенева на Северном вокзале в Париже.

*Жаколкина Надежда Владимировна,
заведующая отделом информационно-библиографического
обслуживания и электронных ресурсов
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».*



Полный электронный вариант календаря-хронографа «200 фактов о И. С. Тургеневе» доступен на сайте ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека» по ссылке <http://www.tounb.ru/200-faktov-ob-i-s-turgeneve>.



Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ХРИСТИАНСКИЙ МИР ТУРГЕНЕВА



Доктор филологических наук, член Союза писателей России, профессор.

В ноябре 2018 года исполнится 200 лет со дня рождения И. С. Тургенева (1818—1883). Ведется подготовка к всероссийскому празднованию двухсотлетия писателя-классика. Предполагается, что одним из центров юбилейных мероприятий станет Орел — родина великого писателя. Как здесь готовятся к предстоящим литературным торжествам?

Об этом мы решили побеседовать с автором нашего журнала из Орла, доктором филологических наук, членом Союза писателей России Аллой Анатольевной Новиковой-Строгановой. Ее перу принадлежит книга **«Христианский мир И. С. Тургенева»** (Рязань: Зерна-Слово, 2015.— Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви). За эту книгу Алла Анатольевна была удостоена Золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (Ставрополь, 2015).

Мы победим

— Ваши работы публикуются также во многих печатных и интернет-изданиях.

— Да, во множестве городов России, не претендующих, как Орел, на звание «литературных столиц», выпускается специализированная литературная периодика. Например, «Московский литератор», «Номо Legens <Человек читающий>» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «ЛиТерра» (Саранск) и многие другие издания, с которыми я сотрудничаю. География очень обширная — это вся Россия: от Калининграда на западе до Южно-Сахалинска на Дальнем Востоке и от Салехарда на севере до Сочи на юге, Севастополя в Крыму, а также ближнее и дальнее зарубежье. Интерес к русской классике и творчеству моих прославленных земляков — орловских писателей-классиков — к христианской составляющей их наследия повсюду неизменно высок. В нашей стране и за ее пределами людям для умственного и духовного роста необходим честный и чистый голос великих русских художников слова.

Но, как ни парадоксально, в литературном Орле практически не осталось ни одного периодического издания, где можно было бы публиковать статьи и материалы о духовно-нравственном содержании отечественной словесности, напоминающей читателю о триединстве идеалов Добра, Красоты и Правды. Эти подлинные ценности вечны и неизменны, несмотря на то, что уже не один десяток лет их безбожно нивелируют, лукаво искажают, попирают, подменяют суррогатами, фальшивками, покло-

нением золотому тельцу и другим идолам. Но, как говорил раннехристианский духовный писатель Тертуллиан, «душа человеческая — по природе христианка». И она выстоит, победит, несмотря на временный разгул бесовщины. По убеждению Ф. М. Достоевского — великого русского писателя-христианина, пророка — «Истина, Добро, Правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим».

«Золотой витязь»

— *Ваши работы были отмечены наградами на фестивале «Золотой витязь». Поделитесь своими впечатлениями.*

— Это Международный славянский форум искусств: литература, музыка, живопись, кинематография, театр. Президент форума — народный артист России Николай Бурляев. Почетный председатель международного жюри Литературного форума — писатель Владимир Крупин, сопредседатель правления Союза писателей России.

По сложившейся традиции «Золотой витязь» проводится в Ставрополе. В Литературном форуме принимали участие писатели из России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Эстонии, Казахстана, Болгарии, Сербии. Я рада, что в обширном списке стран и городов значится и Орел — родина целого созвездия русских писателей-классиков. Моей книге «Христианский мир И. С. Тургенева» был присужден Золотой диплом в номинации «Литература по истории славянских народов и славянскому литературоведению». Всего на творческий конкурс-2015, посвященный Году литературы в России, 70-летию Великой Победы и 1000-летию преставления Святого равноапостольного князя Владимира, было представлено в разных жанрах более 100 произведений, отвечающих девизу форума «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

Литературный форум «Золотого витязя» для принимающего его Ставропольского края является настоящим праздником. В разных городах Ставрополя проходят концерты, творческие вечера, встречи с писателями и актерами, мастер-классы, кинопоказы в рамках программы «Классики русской литературы на экране». Со зрителями встречались Николай Бурляев, Александр Михайлов, Сергей Шакуров, Лариса Голубкина, Людмила Чурсина, другие известные артисты. Царит атмосфера торжества славянского творчества, воодушевленного пророческими словами преподобного Сергия Радонежского «Любовью и единением спасемся».

«Душу свою клади, <...> а не побрехеньками забавляй»

Подумалось и вот о чем. Отчего Литературный форум не может принимать Орел — город Тургенева, Лескова, Фета, Бунина, Андреева? Казалось бы, Орловщина — в отношении к литературе — призвана быть лидером и примером для других регионов страны. Но, как видно, от пафосных прожектов об Орле как о «литературной столице России» и высокопарных слов, мертворожденных местными напыщенными чиновниками, до реального дела — «дистанция огромного размера».

Тургеневу в Орле ни раньше, ни теперь не посвящалось существенных мероприятий значительного масштаба. Писателю и в его эпоху тяжело было выносить гримасы суетливого и суетного времени — «банковского периода». До такой степени, что в год своего 60-летия Тургенев объявил о намерении оставить литературную деятельность.

Другой замечательный орловец — Николай Семенович Лесков (1831—1895) — одну из статей из цикла «**Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки**» посвятил Тургеневу — именно в тот переломный период, когда автор «**Отцов и детей**»

принял решение «положить перо». В юбилейный для Тургенева год Лесков размышлял об этом «высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях "положить перо и более за него не братья"».

С лесковской точки зрения заявленное Тургеневым намерение столь значимо, что произнесенный им «обет молчания» никак «нельзя пройти молчанием». Роль писателя в жизни и развитии России так велика, что деятельность сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «его решимость "положить перо" — это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку».

О напускной значительности высоких чиновных персон, важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству, писали многие русские классики. Великий русский баснописец И. А. Крылов утверждал в своей басне «**Осел**»: «В природе и в чинах высота хороша, / Но что в ней прибыли, когда низка душа». «Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком», — замечал В. А. Жуковский. Вспоминаются, к примеру, и такие строки «**Колыбельной песни**» Н. А. Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»...

Тургенев развил эту тему в романе «**Новь**»: «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят, и гнутят в одно и то же время».

Лесков подхватил и продолжил столь выразительную характеристику «крупно-сановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: в тургеневском «последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, "хрипят", а по штатской — "гундосят". Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или "хрипеть", или "гундосить". В этом скука и несчастье России». Поистине — универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой чиновной бюрократии. Писатель обнажает ее низменные зоологические черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Местные власти за пределами региона неизменно представляют Орел как «литературную столицу», «литературный центр» России. Именно такой была экспозиция Орловской области, например, на Олимпиаде в Сочи, сопровождавшаяся высказываниями Тургенева о родине. Факел параолимпийского огня в Орле зажигали от символического писательского пера. На международном инвестиционном форуме даже соорудили беседку-ротонду с именами земляков — русских классиков мировой литературы.

В самом деле, великое наследие писателей-орловцев — единственное, чем может гордиться Орловская область, чем она прославлена доброй славой во всем мире. Только это никак не связано с деятельностью властей предрежащих, это вовсе не их достижение и заслуга.

«*Не можете служить Богу и мамоне*» (Лк. 16: 13), — говорит Господь. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову».

Лесков в романе «**На ножах**» разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа в России, которые, фарисей-

ски прикрываясь русскими именованиями и благими целями добродетели, безбожно обогащались, получали свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служили не Богу, а мамоне.

В этой связи наиболее актуально звучат слова писателя, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «**Овцебык**» обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреш. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

Орел литературный

— Как в Орле сохраняется память о Тургеневе?

— В преддверии 200-летнего юбилея Тургенева рождаются размышления не юбилейные. Великий писатель-орловец, благодаря которому провинциальный Орел прославился доброй славой во всем цивилизованном мире, сейчас мало кому помнится на его родине. Знаменательные события, связанные с именем классика, не пробиваются на широкий общественный простор сквозь узилище кафедральных междуособойчиков, заточение кулуарных музейных посиделок да запыленных библиотечных выставок.

Создается впечатление, что, кроме редких заорганизованных «мероприятий», подобных бутафорскому «тургеневскому празднику», который уже давно стал частью многолетней непрекращающейся пиар-кампании депутата-чиновника М. В. Вдовина, Тургенев и его творчество — по отзыву Салтыкова-Щедрина, «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом», — никому не нужны, не интересны. Где уж тут выбрать время для гармоничной прозы, после прочтения которой «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора», — иные заботы одолели: все жестче сжимаются тиски «торговой кабалы», засасывает в смрадное болото «тина мелочей», заплывает телом душа.

Люблю и помню старый Орел — тихий, зеленый, уютный. Тот самый, что, по известным словам Лескова, «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

Нынешний город совсем не похож на Орел моего детства и юности, а тем более на тот «город О.», что описан Тургеневым в романе «**Дворянское гнездо**»: «Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... <...> сидели две женщины. <...> При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город».

Сегодняшний Орел безвозвратно утратил свое былое очарование. Город изуродован капиталистической застройкой на каждой выгодной пяди земли. Варварски снесены многие старинные здания — памятники архитектуры. На их месте высятся монстры: торговые центры, гостиничные и развлекательные комплексы, фитнес-клубы, питейные заведения и проч. На окраинах расчищают места под уплотненную застройку, вырубая рощицы — наши «зеленые легкие», которые хоть как-то спасали от смрада, смога и выхлопов нескончаемых автомобильных пробок. В центральном городском парке — и без того небольшом — губят деревья. Старые липы, клены, каштаны гибнут под бензопилой, а на их месте появляются очередные уродливые

чудища — безобразные забегаловки вкупе с биотуалетами. Прогуляться и просто подышать чистым воздухом горожанам уже негде.

Не уберется от изуверского нашествия «торговой кабалы» и Тургеневский бережок, названный так еще в XIX веке, — знаменательное место на высоком берегу Оки, где установлен памятник Тургеневу. На эту достопримечательность указал в свое время землякам-орловцам Лесков: «Отсюда, — писал Николай Семенович, — знаменитое дитя впервые окидывало своими глазами небо и землю, и, может быть, здесь же было бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробудивший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славой во всем образованном мире».

Теперь фоном для памятника всемирно известному великому русскому писателю служит режущая глаз надпись «СОСА-COLA» на ярко-красной тряпке, что мотается над торговой точкой, обосновавшейся здесь же — на Тургеневском берегу. Перекинулась торгашеская зараза на родине писателя и на его произведения. Их названия служат в Орле вывесками доходных торговых сетей: «Бежин луг», «Малиновая вода», коммерческого издательства «Вешние воды». Так же приспособливают под продажные нужды Лескова: умудрились опошлить дивное именование его замечательной повести, выстроили гостиницу с рестораном «Очарованный странник».

На моей памяти было и еще нечто более устрашающее. В 1990-е годы, о которых теперь повсеместно принято упоминать не иначе как «лихие девяностые», в Орле продавали вино кроваво-красного цвета с этикеткой «Леди Макбет Мценского уезда»... А в настоящее время бронзовые фигуры орловских писателей, запрятанные между уродливыми громадами сооружений торгово-развлекательного комплекса «ГРИНН», служат приманкой для завлечения покупателей и клиентов.

Голос людей, равнодушных к облику и судьбе города, отданного на растерзание, на распродажу, — не более чем глас вопиющего в пустыне. Законами капиталистического рынка обыватели ввергнуты в звериную борьбу за существование по принципу «глотаи других, пока тебя не проглотили». Большинство людей поглощено элементарными проблемами выживания: как оплатить все нарастающие цифры налоговых уведомлений и квитанций ЖКХ, на чем сэкономить до зарплаты, до нищенской пенсии... До литературы ли тут?

И все же, как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «*чем сделаешь ее соленою*» (Мф. 5:13)?

Пастырь добрый

— *Книга о Тургеневе, как и другие Ваши работы, написаны с православных позиций.*

— Отеческая вера для меня родная. Как коренной жительнице Орла во многих поколениях мне дорого воспоминание, что мой дедушка по отцовской линии, которого я знаю только по фотографии (он умер до моего рождения), был певчим в кафедральном Никитском соборе, построенном еще в XVIII веке. Здесь же меня крестили. Не в младенчестве, а когда мне исполнилось уже семь лет — перед школой... Настояла стародавняя и деятельная прихожанка Никитской церкви — моя бабушка. Она же и научила меня первым молитвам: «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся»...

Явственно помню свое крещение. Каким удивительным предстал мой крестный — отец Серафим. Никогда раньше не видела я таких необыкновенных людей — в церковном облачении, с кротким лицом, с длинными волнистыми волосами. Каким

сказочно-чудесным показался мне храм с золотом икон, огоньками свечей, теплым светом цветных лампадок. Как изумил меня поднебесный купол, очаровали настенные росписи. Особенно — «Хождение по водам»: как Христос протягивает руку утопающему в морских волнах апостолу Петру, который пошел было за Господом по воде «яко посуху», но усомнился и стал тонуть. И еще одно изображение глубоко запало в душу: Господь — Пастырь добрый — посреди своего стада, со спасенной «заблудшей овцой» на Своих святых раменах.

Несколько лет назад, войдя в храм, испытала горестное чувство утраты. Сердце сжалось болезненно, когда не увидела на стене «Пастыря доброго». Настенную роспись скрыл под толстым слоем штукатурки обезличивающий, стереотипный евроремонт церковного строения.

Благодарение Богу — теперь Христос-Пастырь со своим стадом вновь явился на прежнем месте. До сих пор подолгу благоговейно могу стоять перед этим благодатным образом: *«Аз есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец»* (Ин. 10: 14—15).

Художественной правды нет без правды Божьей

— *Были ли у Вас христианские наставники в литературе, подобно тому, как были в вере?*

— В годы учебы на факультете русского языка и литературы Орловского пединститута (ныне — Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева) мне была назначена Тургеневская стипендия. Эта особая стипендия была специально учреждена для нашего факультета в конце 1970-х — начале 1980-х годов (сейчас в ОГУ имени Тургенева ничего подобного не существует). Русскую классическую литературу нам преподавали доктор наук, профессор Г. Б. Курляндская, которая считалась ведущим тургениведом Советского Союза, и другие видные ученые — выходцы той же научной школы.

Творчество Тургенева анализировали, казалось бы, досконально. На лекциях преподаватели рассуждали о методе и стиле, о способах и приемах художественного выражения авторского сознания, о традициях и новаторстве, о поэтике и об этике, о жанровой организации и об эстетической ситуации — всего не перечислить. На семинарах учили отличать в структуре текста автора-повествователя от собственно автора, лирического героя — от героя ролевой лирики, внутренний монолог — от внутреннего говорения и т. д.

Но все эти формалистические анализы и разборы скрывали от нас сущностное. Никто и никогда не сказал в те годы, что самое главное в русской литературе в целом и в частности в тургенивском творчестве — ценнейшей составляющей отечественной классики — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

Впоследствии в процессе работы над кандидатской и докторской диссертациями мне посчастливилось познакомиться с трудами христианских филологов и философов. По мере сил своих развиваю заложенные ими традиции православного литературоведения.

ОГУ имени И. С. Тургенева

— *Не так давно Орловскому государственному университету присвоено имя Тургенева. Какие изменения произошли в этой связи?*

— Этот достопримечательный факт, казалось бы, должен был всколыхнуть общественную литературно-просветительскую работу университета. Особенно кафедра русской литературы призвана была очнуться от летаргии, в которой пребывает уже многие годы. Имя Тургенева для университета — не просто дар, но и задание: показать образец понимания и преподавания тургеневского творчества, стать центром научного тургеневедения, популяризации творчества писателей-классиков и в Орле, и в России, и за рубежом. Тургенев жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Личность и творчество писателя светят на весь мир.

Однако на этой ниве никакого воодушевления и подъема в ОГУ не наблюдается. Присвоение учебному заведению имени великого писателя-земляка остается простой, хотя и помпезной, формальностью. Только подновился интерьер в просторном ректорском кабинете — на руководительском столе поставили бюст, да повесили на стене большой портрет Тургенева.

А филологический факультет, без которого немислим никакой классический вуз, угасает. Нет студентов, потому что специальность стала считаться непрестижной — слишком неприбыльная, бездобычливая. Ученых-тургенеvedов — горячих пропагандистов творчества писателя — после смерти доцента В. А. Громова и профессора Г. Б. Курляндской — на факультете не осталось. Преподаватели в апатии, пытаются кое-как выжить. Многие перебиваются частными уроками, репетиторством, натаскиванием школьников к сдаче ОГЭ и ЕГЭ (жуткие какие-то аббревиатуры, до сих пор режут слух).

Но преподавателям литературы требуется не просто вяло занимать места и не прикрываться вывеской — здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет», — так учил святитель Феофан Затворник, еще один великий наш земляк — духовный писатель.

Не находится занятий на филологическом факультете и высококвалифицированным специалистам. Будучи доктором филологических наук, я услышала от ректора университета О. В. Пилипенко: «Для вас у нас места нет». В таких условиях создание книг, статей, выступления на конференциях, просветительская деятельность расцениваются не как труд, требующий напряженной работы ума, души, колоссальных затрат времени и физических сил, а как «хобби» на энтузиазме и без оплаты.

Зато развиваются в университете имени Тургенева такие направления образования, как торговое дело, реклама, товароведение, гостиничное дело, сервис и туризм. Кому уж тут вспоминать о Тургеневе? Есть вывеска — и довольно...

В нашем городе имеются и другие места, связанные с именем писателя: улица, театр, музей. Памятник — на берегу Оки. Бюст — в заповедном уголке Орла «Дворянское гнездо», которое уже потеснено элитной застройкой местных нуворишей. Но живого духа Тургенева и его благодатного творчества не ощущается. Тургенев для большей части орловцев не более чем бронзовая фигура на постаменте или истертая полузабытая страница школьного учебника.

«Безбожные школы в России»

Многие ли сейчас в России помнят и знают тургеневское творчество? «Муму» — в младшей школе, «Бежин луг» — в среднем звене, «Отцы и дети» — в старших классах. Вот и весь набор поверхностных представлений.

До сей поры в школах учат в основном «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Литературу «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязаловку. Русская классика в школе еще не прочитана, ее духовный смысл

часто ускользает и от учеников, и от самих учителей. Зачастую преподают русскую литературу так, чтобы навсегда отбить охоту возвращаться к ней в дальнейшем, перечитывать и постигать ее на новых уровнях «разумения о смысле жизни».

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности, воспитание души. Русская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, дает возможность соединять времена. Однако до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноименной статье Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий, — **«Безбожные школы в России»**.

Кроме того, скудные часы, отведенные в нынешней школьной программе на изучение литературы, из года в год урезаются. Неужели столь силен страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей и так сильна ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей»? Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» безбожников, подменяя ложными идеалами и кумирами «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (по глубоко духовному суждению Достоевского), — Христа?

Тургенев в свете христианского идеала

— *О Тургеневе не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляют как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».*

— К сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Еще Лесков писал о том, как «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» — «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени опозлеть. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: *«Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь»* (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет) не смогла не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в быденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни — по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни

выдающегося таланта. Добротолюбие учит: *«Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Бога»*. По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерю мерите, такую и вам будут мерить»* (Мф. 7:1—2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться *«христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом»*, о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем»,— как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: *«Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь»* (Ин. 14:6),— единственно истинный подход к любому явлению жизни. *«Кто учит иному,— говорит апостол Павел,— и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины»* (1 Тим. 6:3—5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест — по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме **«Русский крест»**:

*Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
— В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе — один лишь страх!
— Все Господь определяет,
Всякий знак — в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славой во всем мире. В год кончины Тургенева его друг, поэт Я. П. Полонский говорил: «И один рассказ его "Живые мощи", если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы,— скажет он Эдмону де Гонкуру,— нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...». Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил — в столицах или за границей, неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10

августа 1882 года — за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня — лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций — задача важная и благотворная. Об этом моя книга.

«Далеко Ротшильду до этого мужика»

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них — «истинно преподобная» праведница и страдалница Лукерья (**«Живые мощи»**). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. *«Посему мы не унываем, — учит апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», — справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего — писателю, создавшему ее образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной — кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной — главной героини романа **«Дворянское гнездо»**.

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы протекает не только из частного несчастья главных героев — Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь — молитвенницу Лизу и страдалницу Лукерью — с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька — раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе **«Два богача»** показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь».

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку,— говорила баба,— последние наши гроши на нее пойдут,— не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,— ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от *«Бога живого»* (2 Кор. 6:16), *«В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»* (Кол. 2:3), *«Ибо все из Него, Им и к Нему»* (Рим. 11:36).

Нет пророка в своем отечестве

— *Ваша книга о Тургеневе издана в Рязани. Почему не в Орле?*

— Кого-то может удивить, что книга орловского автора о великом писателе-орловце издана в Рязани. В моем родном городе — на родине Тургенева — в преддверии его 200-летия, да к тому же и в Год литературы, ни одно орловское издательство этой темой не заинтересовалось. Власть предрешающие, к кому я обращалась: тогдашний губернатор и председатель правительства В. В. Потомский, первый заместитель губернатора А. Ю. Бударин, председатель областного Совета народных депутатов Л. С. Музалевский и его первый заместитель М. В. Вдовин, начальник областного управления культуры А. Ю. Егорова,— по заведенному бюрократическому обычаю также ограничились пустыми отписками с отказом, даже не ознакомившись с рукописью, не вникнув в суть темы. В последнем официальном ответе на мое предложение об издании книги о Тургеневе управление культуры отфутболило меня (простите за просторечие, но точнее в этой ситуации не скажешь) в управление физической культуры и спорта. Каюсь, туда я уже обращаться не стала.

Так, в новое время и в новых обстоятельствах подтвердились слова Лескова, который в своей статье о Тургеневе в год его 60-летнего юбилея с болью признавал горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: «В России писатель с мировым именем должен разделить долю пророка, которому нет чести в отечестве своем». Когда во всем мире читали и переводили произведения Тургенева, на его родине в Орле губернские чиновники проявляли пренебрежение к всемирно известному автору, вынуждали его подолгу ожидать очереди в приемных, бахвалились друг перед другом, что сделали ему «асаже». Орловский губернатор однажды принял Тургенева, но чрезвычайно холодно, сурово, даже не предложил присесть и отказал писателю в его просьбе. По этому поводу Лесков замечал: «мягкосердечный Тургенев» у себя дома, на родине, получает «шиш и презрение глупцов, презрения достойных».

В Рязани, в православном издательстве «Зерна-Слово» встретились единомышленники и искренние почитатели тургеневского творчества. Здесь вышла в свет моя книга. Выражаю свою искреннюю признательность всем, кто работал над ее созданием: руководителю издательства «Зерна-Слово» Игорю Николаевичу Минину, главному редактору Маргарите Ивановне Мырниковой, художественному редактору книги и моему супругу Евгению Викторовичу Строганову. Книга издана с любовью, с большим художественным вкусом, замечательно подобраны иллюстрации, портрет Тургенева на обложке выполнен так, как будто облик писателя продолжает светить своим духовным светом сквозь века.

Дерзаю надеяться, что эта книга послужит во благо читателю, поможет и далее осмысливать с позиций православной веры тургеневское творчество, исполненное любви и света, который *«и во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1:5).

Владимир Чисников

(г. Бровары, Киевская область, Украина)



СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Наш постоянный автор.



В октябрьском номере (т. 18) журнала «Исторический вестник» за 1884 год в рубрике «Из прошлого» была опубликована небольшая статья анонимного автора, озаглавленная «Случай из жизни И. С. Тургенева». В ней сообщалось, что газета «Figaro» в одном из последних номеров поместила небольшой психологический этюд известного французского писателя Гюи де Мопассана, в котором он «...разбирал чувство страха («La peur»)». В этой статье красной нитью прослеживалась мысль, что люди всегда боятся того, чего не понимают. При этом писатель передавал слышанный лично им самим рассказ И. С. Тургенева. Далее аноним писал: «Сообщаем этот рассказ в полном переводе, желая сохранить его для будущих биографов Тургенева, как характерный эпизод из его молодости».

А теперь предоставим слово Мопассану, со слов которого эту удивительную историю Иван Сергеевич рассказывал в одно из воскресений в гостях у Густава Флобера:

«...Никто не мог сравниться с великим романистом в умении своим рассказом повергать вас в дрожь перед скрытым неизвестным и в полусвете страшной истории развертывать перед вами целый мир каких-то непонятных, тревожных и даже грозных явлений. Он умел внушить этот страх перед невидимым, страх перед чем-то неизвестным, что скрывается за стеной, дверью, за пределами видимой жизни.

Кажется иногда, что он уже показывает истинное значение странных совпадений и как будто бы чисто случайных обстоятельств, но оказывается, что ими управляет чья-то скрытая воля. Он как бы дает вам чувствовать ту неуловимую нить, которая таинственно приходит через всю вашу жизнь, как через туманный сон, смысл которого постоянно исчезает.

Он не переходит смело в область сверхъестественного, как Эдгар Поэ или Гоффман; он рассказывает простые истории, только в них скрывается что-то странное, что-то повергающее в смущение.

В тот вечер он тоже сказал: «Действительно, боишься только того, чего не понимаешь».

Он сидел глубоко откинувшись в своем большом кресле, свесив руки и вытянув ноги. Его совсем белая голова утопала в волнах серебрившихся волос и бороды. Он

говорил медленно, с какой-то леностью (придававшей еще большую прелесть его речи), как бы запинаясь слегка на некоторых словах, что еще более подчеркивало их яркую меткость. В его несколько утомленных, широко открытых глазах, как у ребенка, отражалось всякое движение его мысли.

Вот что именно рассказал нам Тургенев.

Будучи еще молодым человеком, он охотился как-то раз в своем имении. Проходя целый день по лесу, он остановился на берегу речки, сильно заросшей водорослями, но с довольно чистой водой. Охотника охватило непреодолимое желание искупаться; он разделся и поплыл по течению. Молодой, здоровый, отличный пловец, он плыл тихо, безмятежно, ощущая лишь прикосновение водорослей.

Вдруг он почувствовал руку на своем плече, обернулся и увидел страшное существо, с жадностью взиравшее на него. Это была не то женщина, не то обезьяна. Ее громадное морщинистое лицо улыбалось и делало страшные гримасы. Громадные, порыжевшие от солнца волосы в беспорядке окружали и даже закрывали лицо этого чудовища.

Тургенев ощутил ужас омерзения, оцепеняющий страх перед сверхъестественным существом. Не рассуждая, не понимая, как потерянный, он стал плыть к берегу; но чудовище настигало; с радостным хохотом, оно хватало его за спину, за ноги, за шею. Обезумев от страха, Тургенев достиг, наконец, берега, быстро выскочил из воды и побежал через лес, оставив ружье и платье. Страшное существо продолжало его преследовать, осыпая ругательствами. Беглец, обессиленный и пораженный страхом, падал уже от изнеможения, когда мальчик, который пас скот, прибежал к нему на помощь и стал хлестать страшное чудовище в человеческом образе так, что оно обратилось в бегство, испуская отчаянные вопли. Тургенев видел, как оно исчезло в листве деревьев, совершенно как какая-нибудь горилла. Оказалось, что это была сумасшедшая, которая уже лет тридцать проживала в лесу, питаясь тем, что ей давали пастухи, большую же часть дня проводя в воде.

Окончив свой рассказ, великий русский писатель прибавил: «Никогда в моей жизни я не испытывал подобного страха, и это потому, что я не понимал, что это было за чудовище».



Элина Рудая
(г. Симферополь)

«ВО ДНИ СОМНЕНИЙ...»
Эссе



Наш постоянный автор.

Произведения Ивана Сергеевича Тургенева я читала в юности, учила в школе на память стихотворение в прозе «Русский язык» и считала, что это уже перевернутая страница в моем познании писателя — по жизни к ней практически не возвращалась... Но как только киевская смута подкралась к порогу нашего общего дома под названием «Крым», память тут же вытолкнула из своих закровов: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора»... Произошло это внезапно, в утренней спешке на работу, и прозвучало внутри меня как откровение, как молитва.

«...Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома?»...

И. С. Тургенев написал свой знаменитый этюд о языке в 1881 году, в череде лирических миниатюр, завершающих деятельность писателя. Стихотворения в прозе — это своеобразный итог его жизни, который включил в себя образные размышления, философские наблюдения над проявлениями окружающего мира и подчеркнул состояние его внутреннего одиночества в чуждой духовной среде. «Русский язык» стал последним уникальным «аккордом» в прижизненном издании автора. И это, думается, не случайно!

Тургенев прожил не один десяток лет за пределами России, бывал в разных городах и странах, знал несколько иностранных языков. Полное погружение в европейскую жизнь могло бы стать материалом для написания произведений о ней, притом, на языке оригинала, но она его не вдохновляла. Все его помыслы, духовная составляющая жизни были связаны с родиной и русским языком. Да, он уделял много внимания переводам своих собственных произведений и других русских писателей на европейские языки, но делал это с целью популяризации русской литературы и расширения сферы ее влияния на мировое культурное пространство. Благодаря Тургеневу, к читателям Франции, Германии, Англии «пришли» произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого и других. Иван Сергеевич был равнодушным свидетелем того, как русская литература приобретала международное признание. В то же время он не забывал знакомить своих соотечественников в России с лучшими сочинениями Флобера, Мопассана, Золя....

Тема родины и исторической судьбы русского народа всегда волновала писателя, и была основой всего его творчества. Находясь за границей, Тургенев внимательно следил за всеми политическими и общественными процессами в России. Современников изумляла его прозорливость — настолько точно он отражал все происходящее

в своих романах. Сам Тургенев в литературе видел рупор, пропагандирующий идеи для успешных преобразований в стране. И язык, русский язык, который он глубоко и тонко чувствовал, был одновременно и инструментом, и помощником в достижении поставленных целей: «Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием (русским языком — *авт.*); в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!», «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Любовь к России русского человека особенно обостряется, когда он находится за ее пределами. Это произошло и с Тургеневым. И хотя на родине его труды подвергались критике, как со стороны правительственной цензуры, так и порой в стане прогрессивных сил, писатель однажды заметил: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».



Владимир Гладышев
(г. Николаев, Украина)



В БЕЗДЕЙСТВИИ СОСТАРИТСЯ ОНО
Являются ли герои И. С. Тургенева представителями «поколения» М. Ю. Лермонтова?

Доктор педагогических наук, профессор Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского. Автор 23 пособий и монографий, свыше трехсот статей по методике преподавания литературы, культурологии и эстетике, четырех романов, опубликованных мультимедийным «Издательством Стрельбицкого». Опубликовал свыше пятисот статей по актуальным проблемам преподавания литературы, философии, политологии, культурологии в различных периодических изданиях и альманахах Украины и зарубежья.

Двухсотлетие со дня рождения одного из самых загадочных — при внешней кажущейся «простоте и ясности» его произведений — русских писателей Ивана Сергеевича Тургенева заставляет снова и снова обратиться к творчеству «барометра общественного мнения» 50-х — первой половины 60-х годов позапрошлого века. В этой связи особую актуальность приобретает проблема творческих достижений Тургенева в контексте развития русской литературы девятнадцатого века. Полагаем, что традиционность и новаторство творчества Тургенева зачастую носят достаточно парадоксальный характер, что обусловлено обостренным восприятием действительности и уважительным отношением к своим великим предшественникам.

На наш взгляд, одним из наиболее заметных авторов, традиции которого Тургенев — осознанно или неосознанно — это другой вопрос — развивал, был Михаил Юрьевич Лермонтов.

Одно из самых известных стихотворений М. Ю. Лермонтова «Дума» чаще всего рассматривают как своего рода предсказание, с помощью которого поэт как бы пытался образумить, усовестить своих сверстников («Поколение»), напомнить им о необходимости жить более достойно, нежели это имело место быть. Подчеркнем, что изначально речь в стихотворении и не шла о создании автором более или менее объективной картины жизни, о создании «портрета» одной из прослоек современного Лермонтову общества. Скорее, наоборот, на основании анализа стихотворения «Дума» можно говорить о том, какой эта жизнь виделась самому автору. Не подлежит сомнению, что, отталкиваясь от своего понимания действительности, Лермонтов рисовал картину, с помощью которой передавал свои, в высшей степени субъективные, ощущения от происходящего, выражал с помощью стихотворения свою оценку собственного настоящего и будущего как он их понимал, одновременно перенося это «индивидуальное» на свое «поколение».

«Способ доказательства» своей концепции будущего, избранный поэтом, найденная им форма повествования представляются довольно оригинальными: автор «Думы» талантливо, в деталях и с многочисленными, легко «узнаваемыми» современниками, подробностями, рисует «грядущее» своего «поколения». «Грядущее», которое никоим образом не может выглядеть достойным в глазах порядочного человека, ибо оно — в таком изображении — действительно, «иль пусто, иль темно».

Сочетание особенностей личной судьбы автора стихотворения, трагического в основе своей мировосприятия Лермонтова-человека и гениальности Лермонтова-поэта, привело к тому, что нарисованное им «грядущее» и в самом деле выглядело кошмарно. Потому что, во-первых, казалось чрезвычайно убедительным, «достоверным» и «узнаваемым», а во-вторых, просто пугало любого мыслящего человека полной бессмысленностью и бесперспективностью существования и, что самое, пожалуй, важное для каждого из нас, страшило безжалостным и справедливым «судом потомков».

По мнению Лермонтова, над ним и его «поколением» уже с рождения, с «начала поприща» довлел какой-то рок. Какие-то неведомые, но враждебные силы изначально определили личностную и историческую обреченность лирического героя и его сверстников, его «поколение».

Сделаем попытку рассмотреть произведение М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838) именно под углом зрения «достоверности» предсказанной в нем судьбы поколения поэта. При этом, разумеется, критерием «достоверности» должна стать практика. Насколько точно «итоги жизненного пути» людей, которых следует считать «поколением Лермонтова», соотносятся с тем, что ушедший из жизни совсем молодым поэт предсказал своему поколению в «Думе».

Дума

*Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,*

*Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

Текст стихотворения изобилует художественными деталями, эмоциональная составляющая которых откровенно безрадостна, за счет чего и создается тяжелый эмоциональный фон всего произведения, формируется ощущение безнадежности. В этой связи вполне оправданным выглядит вопрос: «А не является ли данное произведение всего лишь, как отмечалось выше, талантливым, художественно совершенным выражением мизантропического восприятия жизни самим поэтом?» Интересно проследить за тем, подтверждаются ли историей России мрачные предсказания Лермонтова, действительно ли его «поколение», даже в период зрелости, не говоря уже о жизненном итоге, которого он просто не сумел дожить, оказалось настолько несостоятельным?

Представляется, что с большой долей вероятности точность «прогнозов» Лермонтова можно определить, если под данным углом зрения попытаться осмыслить судьбы героев одного из самых противоречивых, полемичных, в чем-то — даже самых скандальных, произведений русской литературы второй половины XIX века. Это произведение достаточно объективно, в реалистической манере, с глубоким психологизмом, представляет читателям жизненные достижения «поколения» Лермонтова именно в тот период, когда пик жизни этими людьми уже пройден, когда они могут и должны подводить итоги жизни, потому как (возраст таков!) они уже «едут с ярмарки». Имеются в виду роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и герои, которые как раз и относятся к поколению «отцов», как называет их автор романа.

Однако есть ли у нас основания рассматривать героев Тургенева как представителей «поколения» Лермонтова? Напомним, что действие романа Тургенева начинается 20-го мая 1859-го года. На момент начала действия романа Николаю Петровичу Кирсанову, отцу Аркадия, сорок четыре года. Даже если допустить, что ко времени начала действия романа он отпраздновал день рождения, получается, что родился он в 1815-м году. Или же в 1814-м, но тогда он может считаться самым настоящим ровесником Лермонтова. Как бы там ни было, но Николай Петрович Кирсанов, его родной брат Павел Петрович, «вышедший в полк» офицером тогда, когда младшему брату исполнилось 18 лет, и Матвей Ильич Колязин, сын их двоюродного дяди со стороны матери, могут считаться людьми одного поколения. И это — «поколение» Лермонтова, «грядущее» которого он изобразил в стихотворении «Дума», тогда как Тургенев в своем романе описывал самую что ни на есть повседневность периода жизненной зрелости этого поколения.

Еще одно подтверждение того, что время — категория весьма и весьма относительная?

Кроме того, братья Кирсановы и Колязин — это люди, которые объективно принадлежали к «кругу» Лермонтова: Павел Петрович — блестящий офицер, его брат — образованный молодой человек, «кандидат», окончивший университет, отец Колязина был «важным чиновником», по стопам которого весьма успешно (если иметь в виду карьерный рост) пошел сын.

Полагаем, приведенные выше соображения дают основания утверждать, что на-

званных героев романа Тургенева мы имеем право рассматривать как достаточно типичных представителей «поколения» Лермонтова с целью выяснения, насколько нарисованное поэтом в стихотворении «Дума» «грядущее» этого «поколения» подтвердилось или не подтвердилось в судьбах героев.

Что же касается, так сказать, непосредственных «обвинений», которые были предъявлены Лермонтовым себе и современникам, то важнейшим, вероятно, следует признать то, что поэт укоряет свое «поколение» в бессмысленности, бесцельности существования, в отсутствии общественно значимых целей и общественно полезной деятельности как в жизни каждого, так и «поколения» в целом. «Постыдное равнодушие» к добру и злу, «презренное рабство» перед сильными мира сего, перед властью, неумение оставить достойный «след» в жизни своего народа, — все это, считает автор стихотворения, было следствием отсутствия гражданской позиции, готовности жить, в первую очередь руководствуясь кодексом поведения «гражданина». Автор убежден, что «потомок», будучи в первую очередь «гражданином», будет иметь моральное право для того, чтобы «оскорбить презрительным стихом» память о предшественниках, их «прах».

Соответственно, именно под углом зрения наличия-отсутствия гражданской позиции и всего того, что связано с ней, будут рассмотрены герои романа Тургенева.

Руководствуясь критерием гражданской позиции, необходимости служения обществу, начать рассмотрение образов-персонажей надо с Матвея Ильича Колязина, потому что он «метит в государственные люди», довольно важный чиновник, представляющий в романе «власть». У таких людей — теоретически — имеется намного больше возможностей быть настоящим «гражданами», чем у обычных граждан, потому что, имея власть, они могут и должны разумно использовать ее, проявлять свою гражданскую позицию в конкретных делах, направленных на обеспечение процветания общества.

Кстати, Колязина можно считать, назовем его так, «младшим» представителем «поколения» Лермонтова, потому что ему, как указывает автор, во время описанных в романе событий «недавно минуло сорок лет». Значит, он был несколько моложе Николая Петровича Кирсанова, но, скорее всего, на основании этого все же нет причин не относить его к этому же поколению.

Отличительной чертой личности чиновника Колязина автор считает следующее его отношение к себе: «Он имел о себе самое высокое мнение, тщеславие его не знало границ...»

Гипертрофированное самомнение, как показывает автор, сочетается у Матвея Ильича Колязина с показной скромностью и даже некоторой демократичностью поведения, которые он охотно демонстрирует тогда, когда это ему выгодно. Ревниво следя за тем, чтобы в дремучей провинции, в которой уже само его появление в качестве высокопоставленного столичного «ревизора» вызывает трепет, к нему относились с соответствующим почтением, Матвей Ильич одновременно изображает из себя просвещенного либерала, если не сказать демократа. Его поведение и на балу, который, не будем об этом забывать, губернское начальство устраивает как раз в его честь, и в приватном общении с таким себе «бедным родственником» Аркадием Кирсановым убеждает читателя в том, что эгоцентризм и лицемерие этого чиновника составляют основу его личности.

Характерно, что при этом Матвей Ильич иногда настолько «заигрывается» (вспомним его поведение на балу, когда он успевает каждому из гостей сказать «добро», хотя и не всегда понятное, слово), что, складывается впечатление, сам начинает верить в произносимые им высокопарные фразы.

Однако для чиновника, а тем паче — для государственного деятеля, представляющего в глазах окружающих «власть», определяющим моментом при оценке его личности являются все же профессиональные качества, конкретные результаты его деятель-

ности. Идеальных людей не бывает, не случайно тот же Пушкин, прекрасно знавший высший свет и его людей, некогда снисходительно заметил: «Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей». К слову, для определенных людей показное или преувеличенное восхищение окружающих их достоинствами может стать своеобразным импульсом, такое отношение к ним может заставить подобных людей трудиться более активно. Потому-то гипертрофированное самомнение в некоторых случаях оказывается не таким уж и плохим качеством личности, стремящейся с помощью реальных достижений доказать окружающим, что она и в самом деле превосходит всех.

Иначе говоря, если бы эта, без преувеличения, стержневая черта личности чиновника Колязина помогала ему быть подлинным «гражданином» в поступках, которые он обязан был совершать «по должности», за Матвея Ильича можно было бы только порадоваться.

К сожалению для героя, автор изображает его как псевдогосударственного деятеля, весьма талантливого приспособленца, который не стремится быть достойным «гражданином», не стремится принести пользу своему народу и стране, зато сосредоточил все силы на достижении личного блага, на достижении личных, ничего общего с пониманием «гражданственности» не имеющих, целей. Знакомя читателей с Матвеем Ильичом, автор делает вывод: «Он был ловкий придворный, большой хитрец, и больше ничего; в делах толку не знал, ума не имел, а умел вести свои собственные дела: тут уж никто не мог его оседлать, а ведь это главное».

Разумеется, автор не дает нам возможность увидеть путь становления (или деградации?) Матвея Колязина, однако представленный им герой однозначно не может считаться положительным. Самым неприемлемым с точки зрения общественной морали необходимо признать то, что этот недалекий дилетант, обладающий хитростью и беспринципностью, обязан был служить «общественному благу», но вместо этого занимался устройством собственных дел. То, что Матвей Ильич Колязин преуспевает, подчеркивает несовершенство общества, в котором такие люди преуспевают,— но ведь это же одновременно и подтверждает «предсказание» Лермонтова?

Вот и получается, что этот типичный представитель «поколения» Лермонтова, несмотря на свою бурную деятельность, все-таки, как и было предсказано, «состарится в бездействии», потому что пользы от его «активности» никому, кроме него самого, нет.

Вторым представителем «поколения» Лермонтова, которого можно назвать «старшим представителем», является старший брат Николая Петровича. Павел Петрович Кирсанов — это человек, которого можно назвать блестящим представителем «золотой молодежи» эпохи Лермонтова, тем интереснее понять, как и почему он превратился в, как его называет автор, «мертвеца».

Павел Кирсанов являет собой классический пример человека, который стал жертвой сочетания в его жизни двух факторов: нешуточных страстей и стечения обстоятельств. Блестящее будущее, которое ожидало молодого офицера, оказалось уничтожено роковой встречей с роковой женщиной, после чего страсть стала смыслом жизни Павла Петровича. Вспоминая «Думу», можно сделать предположение, что Павел Кирсанов пошел вразрез с принятыми в его среде нормами поведения, нарушил правило, которое гласило, что подлинное чувство в этой среде недопустимо. «Неверием осмеянные страсти» стали главным в жизни этого человека, и противостоять им Павел Петрович не сумел.

Конечно, можно говорить о том, что образ Павла Петровича, если рассматривать изображение писателем подавления его личности роковой страстью, во многом автобиографичен, ведь сам Тургенев прекрасно знал, что такое всепоглощающая страсть, во что она может превратить душу человека. В то же время и Тургенев-человек, и Тургенев-писатель сумели реализовать свой потенциал, общепризнанно, что отношения с Полиной Виардо благотворно сказались на личности Тургенева и его творческих достижениях.

Как человек, чувство которого фактически осталось без ответа, над чувством которого надсмеялись, Павел Петрович, бесспорно, заслуживает сочувствия. Его стремление сохранить чувство собственного достоинства, с помощью внешних признаков сохранить привычный для него образ жизни, умение «поставить» себя так, что окружающие, даже если они его и не уважают, считаются с ним как личностью, заслуживает всяческого уважения. Его бескомпромиссное, отчаянное противостояние в споре с Базаровым, на наш взгляд, в основе своей имеет не столько социальные, сколько психологические причины*, однако финал этого противостояния еще более убедительно подчеркивает жизненный крах некогда блестящего молодого человека.

Можно сказать, что жизненный крах Павла Кирсанова предопределен тем, что этот человек «проиграл» сам себе, тому человеческому чувству (любви), которое в его среде считалось недопустимым. Не «остаток чувства», которое, по словам Лермонтова, он и люди его «поколения» могут лишь «жадно беречь в душе», а именно Любовь определили жизнь и крах Павла Петровича Кирсанова. Это и в самом деле было всепоглощающее, в чем-то похожее на неизлечимую болезнь, чувство, избавить человека от которого может только смерть.

Особый трагизм образ Павла Петровича приобретает еще и потому, что женщина, которая напоминает ему умершую возлюбленную, которая воскрешает в его душе чувство любви,— это Фенечка, любимая женщина его брата, мать его племянника. Будучи бесконечно одиноким человеком, он никому не может признаться в этом чувстве, пугая Фенечку своим странным, не поддающимся объяснению, отношением к ней и озадачивая этим же Николая Петровича.

Будучи порядочным человеком, Павел Петрович, в отличие от Базарова, никак не проявляет свое чувство, не старается разрушить отношения брата и его любимой женщины. Более того, старший из братьев вступается за честь Фенечки тогда, когда раздосадованный своим фиаско в отношениях с Одинцовой Базаров ведет себя просто, надо назвать вещи своими именами, подло по отношению к ней. Конечно, сама дуэль описана автором с изрядной долей иронии, однако нельзя отрицать, что Павел Петрович заставляет Базарова принять в ней участие, заставляет молодого нигилиста ответить за свое, в данной ситуации абсолютно аморальное, поведение. Такой поступок требует от немолодого уже человека мужества, и здесь Павел Петрович доказывает, что он обладает мужеством.

К сожалению, финал романа убеждает нас в том, что Павел Петрович Кирсанов — это человек, жизнь которого заканчивается, как и проходила, абсолютно бессмысленно. Незаурядная личность, перед которой открывались большие возможности, он так и остался неудачником, для которого вершиной жизненного успеха стало умение заставить всех считаться с собой, навязать себя окружающим в качестве человека, внешность и поведение которого могут служить своего рода эталоном, но который сам по себе не вызывает желания общаться, не вызывает по отношению к себе теплых, подлинно человеческих чувств.

Тем не менее, как отмечалось, Павел Петрович все-таки вызывает сочувствие, читатель во многих моментах сопереживает ему, в конечном итоге даже становится обидно из-за того, что столь незаурядная личность так и не сумела себя реализовать в жизни. Пожалуй, формула Лермонтова «в бездействии состарится оно» всего более подходит для характеристики образа Павла Петровича Кирсанова, для определения того, чем заканчивается его жизнь.

Глубокие чувства, подлинная страсть не могут компенсировать человеку отсут-

* Об этом аспекте непримиримого и неизбежного в условиях изображенного в романе «Отцы и дети» общества противостояния Павла Кирсанова и Евгения Базарова рассказано в специальной статье: Г л а д ы ш е в В. В., О з а р и н с к и й С. В. Видеть живые лица героев. Психологическая характеристика художественных образов героев романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская словесность в школах Украины.— 2002.— № 5.— С. 46—49.

ствии главного в жизни — активной деятельности на благо общества, и отсутствие этого делает жизнь бессмысленной.

Наиболее «близким» по возрасту к самому Лермонтову, едва ли не «абсолютным» его ровесником является, как отмечалось, Николай Петрович Кирсанов. Но — если подходить к этому объективно, руководствуясь критерием «гражданственности», — как раз он-то вроде бы и не может быть отнесен к тому «поколению», о «грядущем» которого размышлял поэт. Причиной этого являются обстоятельства личного характера, особенности личности Николая Петровича, его образа жизни.

Всю жизнь младший из братьев Кирсановых был человеком тихим и незаметным, никогда не служил ни по военному ведомству (по причине хромоты), ни по статскому, хотя и получил достаточное образование и даже недолго состоял в одном из министерств. Примерно в то самое время, когда Лермонтовым было написано стихотворение «Дума» (как следует из текста романа, произошло это около 1837 года), переселившийся в деревню Николай Петрович «блаженствовал» там с любимой супругой. Молодые родители трогательно относились друг к другу, они уделяли все время семье и сыну Аркадию, само имя которого, можно предположить, символизировало собой «тихое» счастье молодой семьи.

Ранняя женитьба и последовавшая за ней счастливая семейная жизнь окончательно сделали Николая Петровича сугубо домашним человеком, все жизненные интересы которого ограничивались интересами близких ему людей, семьей и всем тем, что было с ней связано. После смерти жены, когда, как пишет автор, «он едва вынес этот удар», Николай Петрович посвятил свою жизнь воспитанию сына. Для того чтобы сын мог получить должное образование, нужно было иметь определенные средства, поэтому Николаю Петровичу пришлось вплотную заняться «фермой», как он называл имение. Когда же сын стал студентом, Николай Петрович каждую зиму, исключая последний год обучения Аркадия, жил в Петербурге, однако образ жизни вел замкнутый, интересуясь только знакомыми сына, стараясь понять их идеи, то влияние, которые эта среда оказывала на Аркадия.

Сентиментальный, нерешительный, добрый, любящий природу и искусство, «седой, пухленький и немного сгорбленный», болезненно переживающий влияние Базарова на Аркадия, — таким предстает в романе Николай Петрович Кирсанов. Хозяйством он тяготеет, хотя «ферма» и отнимает у него много сил, но приносит несопоставимо меньше средств, а по отношению к сыну он чувствует вину из-за того, что в его жизни есть женщина, ставшая матерью его ребенка... Казалось бы, этот образ для «потомка-гражданина» не представляет особого значения, так как мы видим частную жизнь обычного человека, не помышляющего о благе государства.

На наш взгляд, образ Николая Петровича Кирсанова — это наиболее глубокое, полное и убедительное «опровержение» высказанного в стихотворении «предсказания» Лермонтова относительно бессмысленности существования его «поколения». Попробуем это доказать.

Во-первых, и это самое главное, в Николае Петровиче Кирсанове — единственном из представленных в романе представителей поколения «отцов»! — доминирует созидательное начало. «Нигилизм» в той или иной степени присущ не только Базарову, но и Павлу Кирсанову, и Матвею Колязину, которые просто не понимают, что любое разрушение преступно, если целью его не является последующее созидание. Павел Петрович разрушил собственную жизнь, Матвей Колязин губит все, чем он занимается по службе, тогда как Николай Петрович созидает. Примечательно, что он созидал всегда, начиная с создания собственной счастливой семьи, сейчас же в его жизни огромное значение «ферма», которая отнимает у него силы и здоровье, но в конце концов начинает приносить приличный доход.

Совсем даже не случайно во время ожесточенного спора Базарова и Павла Петровича Николай Петрович, который всего более был озабочен отношением к этому

спору сына, замечает: «Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить». Зная на собственном опыте, насколько тяжело «строить», он, тем не менее, видит цель жизни именно в этом. И именно такая жизненная позиция, как убеждает нас сюжет произведения, представляется наиболее достойной, наиболее гражданственной, наиболее нравственной, наиболее убедительной. Доказательством последнего может служить тот факт, что Аркадий, как мы узнаем в конце романа, с большим желанием помогает отцу, сделавшись, как говорит об этом автор, «рьяным хозяином».

Во-вторых, Николай Петрович Кирсанов не просто активно трудится, он оставляет после себя наследников, которые, и с этим вряд ли кто станет спорить, будут продолжать его дело. Об отношении Аркадия к хозяйству только что говорилось, однако совсем даже не случайно он «отходит» от Базарова и разделяет жизненную позицию отца. Уже в самом начале романа, сидя рядом с отцом в коляске и видя «обтерханных мужичков» на «плохих клячонках», встречающихся ему на пути домой, Аркадий Кирсанов задается вопросом о будущем и этого, ему родного, края, и России: «...небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?..»

Не нигилистическое «место расчистить» Базарова, а забота о будущем определяют мировосприятие Аркадия Кирсанова, и надолго отойти от своего предназначения он не может, каким бы сильным, в чем-то даже подавляющим ни было на него влияние по-настоящему сильной личности Базарова. Очевидно, что такое отношение Аркадия к жизни стало следствием отцовского воспитания, поэтому говорить о бессмысленности жизни Николая Петровича Кирсанова не представляется возможным.

Можно сделать вывод, что образ Николая Петровича Кирсанова полностью опровергает пессимистический «прогноз» поэта Лермонтова о бессмысленности существования его «поколения». Так происходит потому, что этот человек, принадлежа по возрасту к «поколению» Лермонтова, изначально исповедовал совершенно иные жизненные ценности, строил свою жизнь, сосредоточив внимание на личном счастье.

Как выяснилось, именно такая жизненная позиция является наиболее «гражданственной», именно путь «обустройства» своей собственной жизни является наиболее действенным способом служения обществу.

Обобщая, можно сказать, что жизнь Николая Петровича Кирсанова — это пример эволюционного пути развития общества, наиболее сложного, самого незаметного, но единственного пути реального улучшения жизни. Революционные изменения чреваты катаклизмами, которые не в состоянии обеспечить устойчивое развитие общества и рано или поздно приводят к его деградации и краху.

...Так оказался ли прав Лермонтов в своих «предсказаниях» относительно судьбы своего «поколения»?

В чем-то — безусловно, и судьбы Матвея Колязина и Павла Кирсанова это подтверждают.

В чем-то гениальный поэт ошибался, и подтверждением тому может служить история жизни Николая Петровича Кирсанова.

Как бы там ни было, «абсолютных победителей» в жизни нет и быть не может, а «ошибки» гениев иногда значительно важнее, чем сомнительные «достижения» посредственностей.

Безусловно, и сам Лермонтов, и его «поколение» — это неотъемлемая часть истории и литературы, поэтому обращение к Тургеневу может оказаться полезным для постижения диалектики художественного творчества лучших писателей мировой литературы.



Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

МОЩЬ ТАЛАНТА



Наш постоянный автор.

«Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас»

И. С. Тургенев

«И. С. Тургенев — один из самых удивительных русских писателей, который с гениальной прозорливостью и чуткостью видел Русь как даровитейший народ, обладающий высокой нравственной силой»

Ф. В. Гладков. Из письма в музей. 1958 г.

Мы все учились на произведениях Ивана Сергеевича. И не только мы. А. Н. Толстой искренне признавался, что «был воспитан на Тургеневе». О творчестве И. В. Тургенева очень высоко отзывались многие наши известные русские писатели и поэты — В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, А. А. Фадеев и многие другие. И не только наши...

«...Гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший все, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном» (Ги де Мопассан. Иван Тургенев).

Д. Голсуорси в свое время писал, что «если теперь английский роман обладает какими-то манерами и изяществом, то этим он прежде всего обязан Тургеневу». Да-да. Для Г. Флобера Тургенев тоже являлся мэтром. Немало добрых и теплых слов в адрес великого русского писателя нашлось у Э. и Ж. де Гонкур, П. Мериме, Джона Рида. Х. Бойссон вообще писал, что «в настоящее время Россия опередила Америку — ибо у нас нет Тургенева». Вот так вот! Человек-эпоха. Ни больше, и не меньше...

Кроме всего прочего, Иван Сергеевич писал и интересные комедии, пьесы. Например, «Нахлебник», «Месяц в деревне». И не только. И не забываем о постоянных претензиях и придирках озабоченной имперской цензуры той поры. Тем не менее, театральные постановки этих пьес идут до сих пор. По свидетельству современников, некоторые ситуации и образы «Месяца в деревне» носят автобиографический характер. А как же иначе?

И что мы имеем на сдачу? Это безумное «Реалити-шоу Дом 2 онлайн»? С ума сойти можно! И риторический вопрос: куда сейчас катится мир?!

Писал Тургенев и стихи о чистой и идеальной женской любви:

*Как будто сердцем я воскрес
И волю дал слезам,
И, задыхаясь, в темный лес
Бегу по вечерам...
Как будто я люблю, любим,
Как будто ночь близка...
И тополь под окном одним
Кивает мне слегка...*

И. С. Тургенев
«Откуда веет тишиной?»

Чудесное стихотворение, не правда ли? Каждая строка здесь продумана и прочувствована автором. Невозможно не отдать должное мастерству исполнения. В том числе и изумительным разнородным рифмам: воскрес/лес, близка/слегка, любим/одним. Необыкновенный поэтический талант полностью раскрылся и в поэме Тургенева «Параша». Белинский тогда прямо подчеркивал: «Этот род поэзии гораздо труднее лирической, ибо требует не ощущений и чувств мимолетных, которые могут быть у многих, но и дара поэзии, и образованного, умного взгляда на жизнь, что бывает очень не у многих». Есть версия, что «Параша» написана и под воздействием влияния «Фауста» Гете. Может быть, и так...

Но наибольшую известность и истинную славу в мировой и отечественной литературе ему принесли его до сих пор актуальные, весьма живописные и реалистичные по своей сути романы, повести и рассказы, которые по праву принадлежат к шедеврам не только русской, но и мировой классики.

Не буду вдаваться в детальный анализ поистине знакового романа «Отцы и дети», ибо анализам этим несть числа, но думаю, что Тургенев прав и в том, что нельзя отрицать прошлое, ведь без прошлого нет будущего. В том, что это и извечная проблема двух поколений. Всех времен и народов. Отцы не понимают сыновей, сыновья — своих отцов. Они и живут по-разному. Дети совершенно не ценят искусство, музыку, поэзию. Мало того, скатываются в поле правового нигилизма и идут еще дальше — вообще не признают никаких авторитетов, никаких принципов. Они совершенно искренне считают, что все старое следует уничтожить и на его месте построить новое. А это чревато весьма серьезными последствиями. Понятно, что и сам Тургенев не разделяет таких радикальных взглядов подрастающего поколения, но, тем не менее, испытывает к своему главному лирическому герою вполне искреннюю жалость. Тем более, смерть равняет всех:

«Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней из недалекой деревишки часто приходят два уже дряхлых старичка — муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшею походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку елки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нет!» (И. С. Тургенев «Отцы и дети»).

Скорбь отца и матери безмерна. Однако... Ничего не напоминает? Они же дети... как же так? А как же любовь к Родине, родителям, женщине? Актуально, как никогда, не правда ли? Тем более, сейчас мы точно знаем, к чему все это приводит в итоге

на примере одной соседней страны. Печально весьма сие. Поистине, нет пророков в своем Отечестве...

Грех не упомянуть и хрестоматийные «Записки охотника» из двадцати пяти интереснейших рассказов, где Иван Сергеевич повествует о встречах с самыми разными людьми во время своих охотничьих скитаний. Как писал в свое время М. М. Пришвин: «Мы были наследниками прекрасной точки зрения Тургенева на простой народ». Спутниками писателя на охоте были Лев и Николай Толстые, Н. Некрасов, А. Фет. И все это неразрывно переплетается с потрясающими картинами русской природы:

«Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное — мирно всплывает из-под узкой и длинной тучки, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний тонкий край растянутого облачка засверкает змейками, блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно-разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места: далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой» (И. С. Тургенев. Бежин луг (Из «Записок охотника»).

Согласитесь, что по проникновенным описаниям пейзажей и времен года до сих пор трудно найти Тургеневу равных. Да я и сам весьма обожаю «тихую охоту», без единого выстрела, так сказать, ибо с детских лет являюсь заядлым грибником. Нужно лишь просто выбрать время и сходить по грибы, слушать там звуки леса, крики птиц, шелест опавшей листвы. В «тихой охоте» важен сам процесс общения с природой и наслаждения ее красотами. Бывает, что и стихатами-малышатами «балуюсь» по ходу дела. Но это, как говорится, на любителя. Ну, например:

*Ложный белый есть нельзя! —
С желчью — дело худо:
Горький вкус, увь, друзья,
Все испортит блюдо!*

*Вот и первые сморчки —
Вдоль дороги, на лужайке.
Пусть и с виду чудаки —
Пригодятся в суп хозяйке!*

*Фиолетовых рядовок
Паутинная вуаль.
Аромат лесных кладовок —
Маринуй, соли, да жарь!*

*Этим летом видел снова
То ль копыто, то ль подкову...
На березе тридцать лет
Трутовик встречал рассвет!*

*Я — овечка, коровяк,
Гриб коровий, звать: козляк!
Вырос рядом под сосной —
Брат масленка я родной!*

*Гляньте! — Сколько говорушек —
Для людей и для зверушек!
Только будьте осторожны:
Отравиться тоже можно!*

*Что нам делать, повтори? —
«Не уверен — не бери!»
Вот и ложные опята
Брать нельзя совсем, ребята!*

*Загрустили две свинюшки —
Неразлучные подружки:
Виноваты без вины! —
Никому мы не нужны...*

*С сентября и по ноябрь
Холодает... Лес озяб.
Вот и спрятала в песочек
Ножки зеленушек Осень!*

А. Савостьянов
Из цикла «Сыроежкина сказка»

Впрочем, и охотники бывают разные. Невольно вспоминается дикая охота на американском континенте, где в самые кратчайшие сроки было истреблено 75 миллионов бизонов. Животных, конечно, очень жалко. Людей еще больше. И чему удивляться, если в результате массового истребления американских индейцев было уничтожено 95 из 114 миллионов коренных жителей нынешних территорий США и Канады? Изверги, одним словом...

По мотивам бессмертных тургеневских произведений были сняты и многие замечательные советские фильмы: «Отцы и дети», «Первая любовь», «Дворянское гнездо», «Муму», «Фауст», «Накануне», «Ася», «Затишье». Всего сразу так и не упомянуть, конечно. На мой скромный взгляд именно советский кинематограф был самый лучший и остается им до сих пор. Понимание этого пришло, правда, несколько позже и задним умом, как говорится. В лихих девяностых, когда на наши телеэкраны хлынул поток низкопробных голливудских боевиков типа «Разборки в маленьком Токио» и тому подобных закордонных ужасов с бесконечным насилием и океанами крови. А советские фильмы до сих пор будоражат наши сердца и всегда производят огромное впечатление. Тем паче, любимых советских режиссеров и актеров — великое множество. Голливуд отдыхает...

В наше жестокое время почти весь окружающий нас мир заполнили кошмарные заокеанские комиксы, сумасшедшие до неприличия карикатуры зарубежных журналов типа пресловутого «Шарли Эбдо», бесчеловечные компьютерные игры на грани безумия. Страшно смотреть, как многие доморощенные геймеры попросту превращаются в пресловутых зомби и запросто сходят с ума. И не только. Чего стоит широко известная игра «Синий Кит». Название вполне дружелюбное. Но за милым и без-

обидным названием таится страшная опасность, где наших детей путем психологической обработки (давая нелепые, на первый взгляд, задания) побуждают к суициду. Судя по источникам в интернете и в средствах массовой информации, погибло очень много детей...

Что же делать? Как не оказаться в плену этого всеобщего безумия? Вспомните о хорошем. Искренне. Я не шучу. Русский мир породил немало великих поэтов, писателей и художников. Им просто несть числа! Кстати, о художниках. Очень уж мнеглянулся один портрет Ивана Сергеевича. Чтобы полностью охватить идею Ильи Репина, стоит посмотреть на внешность Тургенева: «Вы увидите в его глазах мудрость, и грусть, и уверенность, но основным качеством является спокойствие». Именно спокойствие. Поэтому унывать не стоит. Достаньте с полки ваших шкафов томики стихов Пушкина и Есенина, Цветаевой и Ахматовой. Читайте старые добрые русские сказки. Где Добро непременно побеждает Зло. Читайте бессмертную во все времена русскую классику! Читайте Гоголя и Достоевского, Чехова и Толстого. У нас поистине богатый выбор. Это точно. Читайте потрясающую романтическую прозу и трепетные стихотворения Ивана Сергеевича Тургенева.

*Смерть ли я вспомнил? иль жаль мне моей
Жизни, изгаженной роком?
Тихо ямщик мой запел — и темней
Стало на небе широком.*

И. С. Тургенев
«Долгие, белые тучи плывут...»

Произведения Тургенева рекомендуются для учащихся выпускных классов, абитуриентов и учителей. И для многих других благодарных читателей. Книги Ивана Сергеевича всегда будут востребованы, как мне кажется. И не только в России. Тем более, именно он являлся истинным сподвижником и пропагандистом русской литературы и драматургии на Западе. А это дорогого стоит. Еще при жизни Тургенева его романы и повести были переведены на многие европейские языки: немецкий, английский, шведский. Например, в Англии были переведены «Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Новь». Имелось несколько французских переводов повести «Ася». Так на то он и классик.

Светлая ему память...

Красота спасет мир. Лично я в это очень даже верю.



И. Е. Репин. Портрет И.С. Тургенева (1879). Место нахождения: Санкт-Петербург. Русский музей (Россия). Техника изобразительного искусства: Масло

Людмила Алтунина
(г. Тула)

МОЙ ТУРГЕНЕВ
(Почему я читаю И. С. Тургенева)



Наш постоянный автор.

Среди русских писателей-классиков, которых читаю-перечитываю, И. С. Тургенев, как и А. С. Пушкин, занимает особое место. Я подружилась с ними еще в школьные годы, прошедшие в Сибири, в Горном Алтае.

У Марины Цветаевой есть поэтическая проза — «Мой Пушкин». У меня тоже есть «мой» Пушкин. Есть и «мой» Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали мне как бы родными людьми. Настольными для меня были тогда — наряду с пушкинскими и тургеневскими произведениями — «Записки охотника», «Накануне», «Ася», «Вешние воды», «Рудин», «Му-Му», «Стихотворения в прозе», — книги француза Антуана де Сент-Экзюпери и американца Эрнеста Хемингуэя, прежде всего — «Старик и море», но И. С. Тургенев по жизни — всегда рядом со мной и до сего времени.

Еще в восьмом классе записалась я на факультатив по литературе, который вела моя любимая учительница Г. А. Голова. И мой первый доклад, полностью подготовленный самостоятельно, был по роману «Рудин», — сама выбрала эту тему. Доклад удался. Помнится, даже с телевидения из г. Бийск приезжали снимать наши занятия на факультативе и мое выступление с этим докладом.

После прочтения романа «Накануне», благодаря яркому образу главного героя, болгарского эмигранта-патриота Инсарова, деятельного, волевого, мне очень понравились болгары. И когда, спустя годы, была в Болгарии, очень тепло воспринимала их именно через его личность.

Но особенно близки мне стали «Записки охотника», прежде всего рассказы «Бежин луг» и «Хорь и Калиныч», потому что в них я нашла как бы знакомых мне людей — сибиряков. Вон он, Калиныч, — один наш сосед; Хорь — другой: очень похожи на тургеневских. А мальчишки из «Бежина луга» — это мой старший брат Володя и его друзья. Они так же жгут вечерами костры на берегу реки Маймы, где мы всегда купаемся, или у подножия горы Камушек, рассказывают разные истории, порой такие жуткие, что потом поодиночке боимся идти домой темными переулками.

Да и сцены охоты, описание утренней «тяги», — все это мне было так знакомо: мой отец тоже был заядлым охотником. Охотился не только на крупного зверя в тайге и в горах, но и на дичь: уток-чирков, гусей, вальдшнепов, тетеревов. Иногда зимой даже нас с братом брал на катунские острова пострелять и «почитать» на снегу следы зверюшек и птиц. Так что герои тургеневских рассказов для меня — не только реальные, «списанные» с простых людей, но и вполне узнаваемы.

Мой самый первый студенческий друг появился тоже благодаря Тургеневу. Я сидела в библиотеке, недалеко от студенческого общежития, где жила, будучи абитуриенткой, и готовилась к вступительным экзаменам по устной литературе. Рядом под-

сел симпатичный парень. Познакомились. Оказалось, он после службы в армии и учебы на подготовительном отделении университета, уже закончил первый курс журфака. После летней сессии уехал пораньше на стройку в составе ССО (студенческого строительного отряда),— реконструировали вокзал на крупной железнодорожной станции Агрыз, что в Татарии. Приехал пересдавать русскую литературу и в данный момент штудировал произведения Тургенева. Он обратился ко мне с просьбой помочь ему разобраться в вопросе о типичности и личностных индивидуальности и своеобразии Хоря и Калиныча из «Записок охотника», как представителей русского крестьянства (дословно формулировки вопроса не помню, но суть его именно такая). С тургеневскими героями,— не только с этими, но и с другими, прихватив и романы «Отцы и дети» и «Накануне»,— мы долго разбирались вместе. Потом вместе пошли в студенческую столовку, там он познакомил меня со своими друзьями с журфака, к которым мы подсели за стол, и наша дружба завязалась на все студенческие годы.

В Казанском госуниверситете на устных вступительных экзаменах по литературе дополнительный вопрос мне был задан как раз по «Запискам охотника»: народность на примере, в частности, рассказа «Хорь и Калиныч». Вот такое совпадение. В итоге литературу сдала на «отлично».

...Недавно так захотелось почитать что-то для души, наше, русское; подошла к книжному шкафу, пробежала глазами корешки книг. И рука тут же потянулась к тургеневским «Избранным произведениям» (с его юбилеем это никак не связано — просто мне захотелось почитать именно его) — зачитанная книжица 1972 года выпуска, местного, «Приокского книжного издательства», в мягком переплете. Перелистываю пожелтевшие страницы, и сердце мое откликается тихим ликованием: «Ага! Вот оно — заветное! Вернусь-ка я — в который-то раз! — к «Бежину лугу». Читаю с застенной радостью: как все описываемое правдиво и близко сердцу моему! И как художественно, лирично, образно показано автором, будто я сама прошлась по тому росистому, сумеречному лугу, посидела с крестьянскими ребятишками у костра, послушала их разговоры со страхами — суевериями.

Взять хотя бы вот эти строки: *«...Казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с высоты лилась темнота... Все кругом быстро чернело и утихло, одни перепела изредка кричали... поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе... Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синевая ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем...»*

...Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной. Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы... Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга...»

Какая поэтическая лиричность в прозе! Какая гармония слога! Как точно и сокровенно передано состояние и природы, и человека! Какая простота и вместе с тем изысканность стиля! И какая рускость в этом языке! Это же — словесная музыка. Переставь хотя бы пару слов, и лад, гармония, целостность картины нарушатся. Простые русские слова, филигранной вязью сплетенные в предложения, звучат как лиричная, трепетная, трогательная и изысканная музыка высших сфер, рождающая в душе способного уловить ее ответные трепетные и высокие чувства, ложатся бальзамом на душу. Для меня тургеневское слово поистине целительно.

...Минувшим летом стояла я на смотровой площадке, что в родовой усадьбе великого поэта В. А. Жуковского, близ села Мишенское Белевского района Тульской области, недалеко от его бюста, с сердечным замиранием глядя на громадную впадину, развернувшуюся прямо передо мной, а за нею — на необъятную ширь, раскинувшуюся в буйстве сочной изумрудной августовской зелени на все стороны до самого синего горизонта, невольно вспоминала Тургенева, ассоциируя увиденное с его описанием Бежина Луга.

И опять же думала о том, что вот это и есть первозданная Русь, какой видели и запечатлели ее в своем творчестве гениальные русские поэты и писатели, — великая, мощная, необозримая и необъяснимая, — один вид просторов которой рождает в душе и трепет, и нежность, и патриотические чувства — точно также, как творчество И. С. Тургенева — истинно русского нашего писателя, сумевшего словом столь искусно и зримо распахнуть эту русскую ширь и человеческую душу перед взором читающего его.

...В августе прошлого года, после очередного обращения к Тургеневу, я, желая тут же поделиться переполняющими меня сокровенными чувствами, вызванными его творчеством, написала мужу, находящемуся в отъезде: *«Вот только что перечитала Тургенева — «Записки охотника», в т.ч. рассказ «Бежин луг» и др. Это, конечно, не просто талантливо: «...там Русь, там Русью пахнет...», как сказал Пушкин. Удивительно: как им, дворянам, удалось так глубоко проникать в крестьянскую душу и жизнь?! Без любви к ближнему, к тому же крепостному крестьянину, дворовому, так не напишешь. А тургеневская природа! Она осязаема, объемна: ты словно сам бредешь теми росными лугами, смотришь на тот восход или закат. Кто-то ныне говорит, что Тургенев слащав, уныл, не динамичен в наш динамичный век; в общем, устарел и ничего уже не может дать современному читателю. Нет, это вовсе не так! Даже если бы он написал только «Записки охотника», все равно он был бы классиком. Классик — это тот, на мой взгляд, кто глубоко и правдиво погружает читателя в свою эпоху, передает ее образно, зримо, осязаемо в деталях, характерах, поступках, душевно-психологических и духовных проявлениях и многом-многом другом, что включает сама жизнь, что составляет духовную, нравственную сущность человека и целого народа, нации, но что, к сожалению, как-то ускользает от обывателя.*

Тургеневскими «Записками охотника» можно лечиться, как психотерапией, тем же описанием природы в «Бежином луге», его рускостью; каким-то глубинным гуманизмом, в смысле милосердия, единения и соучастия с ближним, даже вовсе не знакомым, что так характерно именно для русского человека и составляет его суть и чего так не хватает ныне. Великие наши писатели как раз и поднимали вопросы человеческого духа, выстроенные на христианской основе, прославляя фундаментальные, нетленные морально-нравственные ценности, во все времена помогающие русскому человеку преодолевать все трудности, выстоять и победить.

Даже не проповедуя открыто христианское мировоззрение, в своем отношении к ближнему, к природе, животным и всему вокруг, он — истинный православный писатель.

Все-таки как хороши наши русские классики! Во всем мире мало им равных. И как они велики! Какие социально-общественные, нравственные, духовно-психологические глыбы поднимают своим творчеством! Вот истинный пример нам, пишущим, для подражания, хотя бы приближения к ним...»

В ответ я получила от мужа следующие строки: *«Поражает меня вот что: как ты при такой глубокой погруженности в суету, в эту сумятицу буден, все еще сохранила в своей душе такое глубокое понимание и тонкое восприятие классики, того же Тургенева, его великих «Записок охотника»! Наша революционно-демократическая критика язвительно назвала их «Записками барина». Им нужны были великие потрясения, революции и войны, а Тургенев — ну да, барин, и что же в этом плохого! — Он воспевал жизнь, Россию и радость жизни в ней, на ее просторах. Он воспевал красоту, в том числе красоту и одухотворенность русских женщин. Посмотри, какие они у него красивые, внутренне и внешне! А сейчас в моде, в ходу мат, вульгарность, грубость, жестокость, злой и жесткий расчет; любви нет, есть только секс, дружбы нет, есть деловой расчет и партнерство, о сострадании и прощении и не спрашивай! Ну зачем же такому поколению нужен Тургенев?! Или даже Пушкин... Пушкина тоже не любят, считают — Пушкина-то! — примитивным. Почему? Потому что сами примитивные, с куцыми компьютерными мыслями, бараньими мозгами...»*

Жестко?! Но, думаю, во многом справедливо. Да, действительно, Тургенев воспевает жизнь в разных ее проявлениях, ее красоту, гармонию и одухотворенность; любовь в широкой трактовке этого понятия — к родине, ближнему, между мужчиной и женщиной — жертвенность во имя нее, а это никогда не устареет, потому-то в нашей семье любят его и читают.

Вообще, если говорить обобщенно и очень коротко, меня у Тургенева больше всего привлекают не только лиричность, язык и стиль его произведений, но главное, — и это даже удивляет! — насколько глубоко и искренне он, барин по происхождению, воспитанию, образу жизни, смог проникнуть во внутренний мир, психологию, быт, традиции и даже поверья и суеверия, в сам дух крестьянина — все то, что именуется народностью — и передать это в своем творчестве. Без искреннего интереса, любви, сочувственного отношения к так называемому простому человеку это просто было бы невозможно. Да, он глубоко и всесторонне показал нам не только представителей своего класса и среди них вышедшего на общественно—политическую сцену «нового человека», но и крестьянина — наиболее значительную составляющую народонаселения той, прежней, России — девяносто процентов.

И еще: тургеневское чувство родины, глубинного подлинного ее духа. Несмотря на то, что многие годы он прожил вдали от нее, за границей, где и умер, но малую, как и большую свою Родину, он всегда нес в сердце, был предан ей и верен. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении.

Примеч. авт.: *Я благодарна моей школьной учительнице русского языка и литературы Галине Александровне Головой,— светлая ей память, в расцвете лет покинувшей этот мир,— привившей любовь к отечественной литературе, в том числе и к И. С. Тургеневу, во многом поспособствовавшей пробуждению моего интереса к литературному творчеству и поддержавшей этот интерес. Когда в старших классах я делилась своей мечтой стать журналистом и поехать поступать на журфак, в университет, многие меня отговаривали: «Очень трудно поступить — огромные конкурсы, легче поступить в местный пед». Галина Александровна, наоборот, заинтересованно одобрила мое стремление: «Хороший выбор. У тебя есть к тому спо-*

собности. Усиленно готовься, и — все получится». Ее слова меня окрылили и укрепили в намеченной цели. Она подарила мне книжку «В помощь начинающему корреспонденту», которая сопровождала меня все студенческие годы, когда я училась на факультете журналистики Казанского госуниверситета, и в первые годы как молодого специалиста, пришедшего после вуза в редакцию. Своей журналистской профессии я осталась верна на всю жизнь, посвятив ей более сорока лет. А ту книгу я до сих пор храню, как память о Галине Александровне — Учителе с большой буквы. И такими были все наши учителя, многих и многих из которых ныне уже нет в живых, светлая им память.

Училась я в Горном Алтае (ныне Республика Алтай), в Майминской общеобразовательной средней школе № 1, где и преподавала Г. А. Голова и другие наши замечательные учителя. Они, несмотря на советское безбожие, дали нам гораздо большее, чем знание предметов, — христианские основы жизни: творить на земле добро, быть честными, ответственными, патриотичными, любя свою страну и свой народ, ставя во главу угла совесть и понятие о чести, порядочности. Огромная всем им благодарность и низкий поклон. Они живы в памяти и сердцах их учеников.

